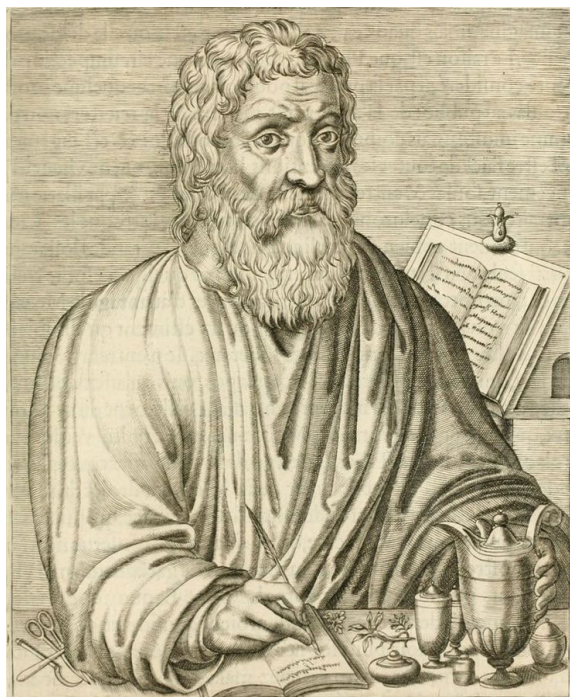

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТОЛОГИИ С КУРСОМ
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ

**ФИЛОСОФСКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ,
НАЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ, БИМЕДИЦИНСКИЕ
АСПЕКТЫ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

Электронные материалы Международной научной конференции

(Минск, 28 мая 2026 года)

Минск БГМУ 2026

ISBN 978-985-21-2304-4

Об издании – 1, 2, 3.

© УО «Белорусский государственный
медицинский университет», 2026

УДК 614.25
ББК 87.75

Под общей редакцией:
канд. философ. наук, доц. О. Л. Позняковой, препод. О. С. Мозолевой

Философско-идеологические, национально-исторические, биомедицинские аспекты социогуманитарного знания : электронные материалы Международной научной конференции, Минск, 28 мая 2026 г. / под общ. ред. канд. философ. наук, доц. О. Л. Позняковой, препод. О. С. Мозолевой. – Минск : БГМУ, 2026. – 67 с. ; 1 файл (2,53 Мбайт). – Режим доступа: свободный.

ISBN 978-985-21-2304-4.

В сборнике представлены работы в авторской редакции, охватывающие широкий спектр вопросов. Адресуется широкому кругу ученых.

Издание реализовано в программной оболочке Adobe Acrobat и оснащено интерактивным оглавлением. Минимальные системные требования: программа для просмотра PDF-файлов (Adobe Acrobat Reader и др.), наличие сетевого доступа (интернет-браузер Google Chrome, Mozilla Firefox и др.).

УДК 614.25
ББК 87.75

© УО «Белорусский государственный
медицинский университет», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Li Qingyuan</i> Urban medical resource allocation in china's largest peninsula province: a geospatial analysis of healthcare access and health equity	5
<i>Ваниславчик Д. В., Лещенко Е. Ю., Медведок Т. В.</i> Проблема демаркации научного и псевдонаучного знания в современном медиапространстве	8
<i>Воробьева С. В.</i> Семиотические аспекты визуального поворота в историко-философских исследованиях.....	10
<i>Герасименко С. И.</i> Изучение землеустройства на белорусских землях в историографии	12
<i>Гребенчук М. А.</i> Наследие великой победы как фактор государственной исторической политики Республики Беларусь	14
<i>Красникова И. Г.</i> Биовласть в условиях цифровой медицины: трансформация субъективности и механизмов контроля.....	17
<i>Кулак Н. И. Г. В.</i> Плеханов как публицист: роль печати в революционном движении	20
<i>Кулак Н. И.</i> Материалистическое понимание религии в философии Г. В. Плеханова.....	23
<i>Курачинская Д. С.</i> Язык как модус подлинного бытия: антропологический поворот в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера.....	26
<i>Лагуновская Е. А.</i> Нетрадиционная религиозность как аксиологический вызов в условиях социальных трансформаций белорусского государства: социально-философский анализ	29
<i>Лойко А. И.</i> Философия человека и технологии искусственного интеллекта в статусе искусственной личности	31
<i>Медведок Т. В., Барановский И. В.</i> Социально-антропологический потенциал раннего маркса в анализе современности.....	33
<i>Медведок Т. В., Сачковский И. В.</i> Этические и социокультурные аспекты внедрения искусственного интеллекта в техносферу.....	35
<i>Мозолева О. С.</i> Историческое знание в условиях информационных войн: особенности воздействия на формирование национальной идентичности	37
<i>Молчанов П. Ю.</i> Переосмысление понятия «Альтернатива» применительно к характеру общественно-исторического развития.....	41
<i>Мушинский Н. И.</i> Биомедицинская этика: технический прогресс и критерии справедливости.....	44

Пацеева А. Г. Грамотность в вопросах здоровья: как пациенты интерпретируют результаты анализов	47
Познякова О. Л. Философские проблемы современной медицины	49
Поляк Н. А. Социализация рабочего класса в зеркале периодической печати БССР в 50-х гг. XX века	51
Попова А. С. Налогообложение крестьянства Беларуси в 1861–1914 гг.: советская историография проблемы	54
Реут Е. В. Психофизиологические детерминанты восприятия интернет-мемов в структуре цифровой социализации.....	56
Родионов А. К. Экономическая ответственность, как фактор повышения эффективности хозяйствования, активизации предпринимательской деятельности и противозатратный механизм.....	59
Филипчик М. А. Причины разграничения психологического и гносеологического ассоцианизма В. Н. Ивановским	62
Шершнёва О. А. Био-логос и этнос: кризис антропологических границ в эпоху биомедицинского трансгуманизма	64

URBAN MEDICAL RESOURCE ALLOCATION IN CHINA'S LARGEST PENINSULA PROVINCE: A GEOSPATIAL ANALYSIS OF HEALTHCARE ACCESS AND HEALTH EQUITY

Li Qingyuan

Master's student

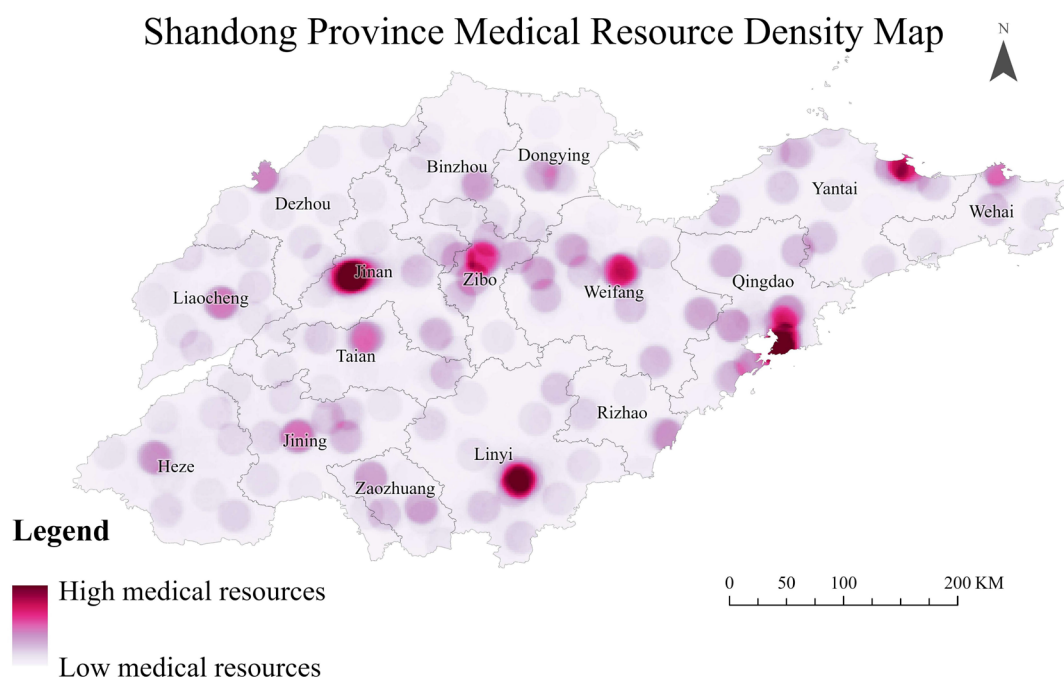
УО «Полесский государственный университет»

Актуальность темы. Shandong Province is located along the eastern coast of China and forms the country's largest peninsula province. Cities in this region differ in population size, development level, and public service conditions. These differences make medical resource allocation a useful way to examine regional fairness.

Medical resources affect people's real access to healthcare. This includes whether hospital beds, doctors, tertiary hospitals, and specialist services are available within a reasonable distance. Access depends not only on the total amount of resources, but also on their spatial distribution. For this reason, spatial differences in medical resources help explain gaps in public services across cities [1].

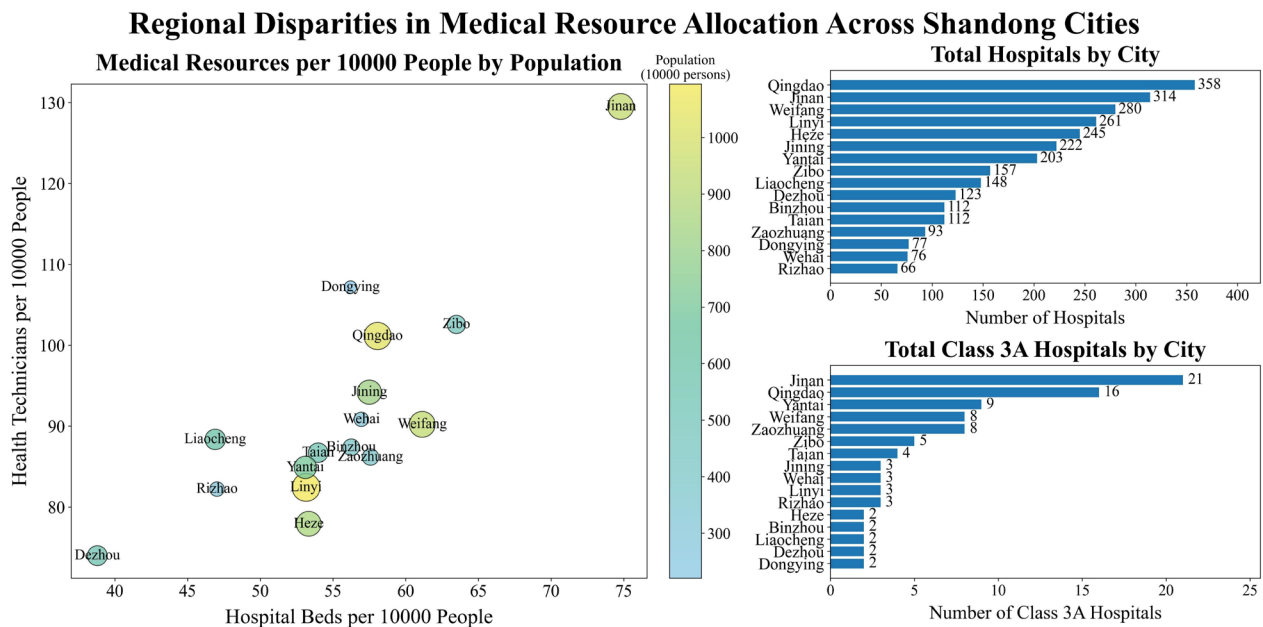
Цель исследования. This study takes 16 prefecture-level cities in Shandong Province as the research units. Statistical indicators and geospatial analysis are used to examine differences in medical resource allocation. The study also considers how these differences relate to healthcare access and health equity.

Основные положения исследования. The study uses several indicators, including the total number of hospitals, hospital beds per 10000 people, health technicians per 10000 people, the number of tertiary hospitals, and the resident population. These indicators reflect total resources, population pressure, and the supply of higher-level services. Statistical comparison is used to identify differences between cities, while geospatial analysis is used to show spatial patterns.

The results show that medical resources are concentrated in Jinan and Qingdao. Jinan has stronger conditions in hospital beds, health technicians, and tertiary hospitals. Qingdao also shows a solid base, with more hospitals and more advanced services. In contrast, Dezhou, Liaocheng, and Rizhao record lower values in several indicators. Residents in these cities may rely more on healthcare in other cities.

Weifang, Zibo, and Yantai show a moderate level. Their resource base is better than weaker areas, but clear gaps remain when compared with Jinan and Qingdao. The pattern suggests that resources do not follow population size in a direct way. They tend to cluster in the provincial capital, coastal centers, and cities with stronger economic conditions. Some cities with large populations carry higher demand, yet high-level services have not grown at the same pace.

Литература

1. Jin, C. Spatial inequity in access to healthcare facilities at a county level in a developing country / C. Jin [et al.] // International Journal for Equity in Health. – 2015. – Vol. 14. – Article 67.
2. Wan, S. Spatial analysis and evaluation of medical resource allocation in China based on geographic big data / S. Wan [et al.] // BMC Health Services Research. – 2021. – Vol. 21. – Article 1084.

ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ НАУЧНОГО И ПСЕВДОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Ваниславчик Д. В.

студент 2 курса агромеханического факультета

Лещенко Е. Ю.

студент 2 курса агромеханического факультета

Медведок Т. В.

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
УО «Белорусский государственный аграрный технический университет»

Актуальность. В эпоху тотальной цифровизации и стремительного развития медиакommunikаций проблема демаркации научного и псевдонаучного знания выходит за рамки чисто академического спора и приобретает статус острой социальной проблемы. Беспрецедентная доступность информации сопровождается «инфодемией» — наводнением медиасреды неверифицированным и фальсифицированным контентом. В условиях девальвации экспертного знания и распространения антинаучных теорий под угрозой оказывается рациональное принятие решений как на уровне личности, так и на уровне государственной политики (особенно в сферах здравоохранения, экологии и технологий). Переосмысление классических критериев научности в контексте новых медиа необходимо для формирования интеллектуальной устойчивости современного общества.

Цель исследования. Проанализировать трансформацию классической проблемы демаркации в условиях цифровой среды и выявить социально-коммуникативные механизмы, способствующие легитимации псевдонаучного знания в современном медиапространстве.

Основные положения исследования:

1. **Эволюция критериев демаркации в философии науки.** Исторически поиск универсального критерия научности прошел путь от принципа верифицируемости (Венский кружок) до методологии К. Поппера, предложившего фальсифицируемость как маркер открытости теории для критической проверки. Т. Кун и И. Лакатос дополнили этот анализ, указав на коллективный и программный характер науки. Однако современная ситуация показывает, что ни один из классических критериев в отдельности не является достаточным для массового сознания, оперирующего информацией в отрыве от научной методологии [1, 2, 3].

2. **Кризис институциональных «привратников» знания.** В традиционной модели трансляции знания научные журналы и академические институты выполняли роль фильтров. Современное медиапространство децентрализовано: алгоритмы социальных сетей уравнивают в правах мнение эксперта и дилетанта. Это создает иллюзию «демократизации истины», где популярность контента и его эмоциональная заряженность становятся суррогатами его достоверности. Псевдонаука эксплуатирует этот механизм, предлагая простые ответы на сложные экзистенциальные вызовы.

3. Механизмы медийной мимикрии псевдонауки. Современная псевдонаука успешно использует внешние атрибуты научности: терминологическую насыщенность, визуализацию данных (графики, диаграммы) и ссылки на авторитеты, вырванные из контекста. В условиях «шока новизны» и высокой скорости распространения информации антинаучные сенсации опережают качественную научную экспертизу. Псевдомедицинские и конспирологические теории создают собственные «эхо-камеры», где за счет алгоритмической персонализации контента формируется искаженная картина реальности, непроницаемая для рациональной критики.

4. Эпистемологические риски «фильтр-пузырей». Сегментация медиапространства приводит к тому, что сторонники псевдонаучных концепций оказываются в изолированной информационной среде, подтверждающей их предвзятость. Это трансформирует проблему демаркации из методологической задачи в коммуникативную: научное знание проигрывает псевдонауке не в аргументации, а в эффективности механизмов доставки и удержания внимания аудитории.

Вывод. Проблема демаркации в современном медиапространстве перестала быть сугубо логико-гносеологической. Она трансформировалась в проблему медиаграмотности и социальной ответственности институтов знания. Для эффективного противодействия экспансии псевдонауки необходим синтез классической научной методологии с новыми практиками верификации цифровой информации. Научность сегодня должна определяться не только внутренней непротиворечивостью теории, но и способностью научного сообщества активно и доказательно присутствовать в цифровом поле, эффективно корректируя когнитивные искажения в массовом сознании.

Литература

1. Кун, Т. С. Структура научных революций / Т. С. Кун. – М. : АСТ, 2001. – 605 с.
2. Лакатос, И. Избранные работы по философии и методологии науки / И. Лакатос. – М. : Академический Проект, 2008. – 475 с.
3. Поппер, К. Р. Логика научного исследования / К. Р. Поппер ; пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 447 с.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВИЗУАЛЬНОГО ПОВОРОТА В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Воробьева С. В.

кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии культуры
УО «Белорусский государственный медицинский университет»

Актуальность проблемы визуального поворота в современных историко-философских исследованиях проистекает из трансформаций методологии социально-гуманитарного познания. Такие трансформации обусловлены дополнением лингвистического и текстуального подходов к пониманию и объяснению действительности визуальным подходом. Он связан с невербальными формами репрезентации мира, раскрываемыми в семиотике.

Цель исследования. Раскрыть семиотические аспекты визуального поворота в историко-философском познании.

Основные положения исследования. Визуальному повороту в историко-философских исследованиях предшествовали лингвистический и текстуальный повороты. Результатом лингвистического поворота стало признание приоритетной роли языка в решении философских проблем. По Л. Витгенштейну, «границы моего языка означают границы моего мира. Логика заполняет мир: границы мира суть и ее границы» [1, с. 56]. Текстуальный поворот сместил акценты на текст и дискурсивные практики. Вне их ничего не существует, значит, мир воспринимается как «сложно сконструированная семиотическая система», в которой все «действия и поступки предопределены текстуальным и культурным опытом» [2, с. 318]. Сущность визуального или иконического поворота, означенного в работах У. Митчелла и Г. Бёма, заключается в признании визуального образа как источника знания и смысла. Он был предопределен рассуждениями философов и историков о необходимости «освобождения образа из тюрьмы языка, от власти дискурса, о возвращении доверия к чувственному опыту» [3, с. 98]. Но научный интерес к визуальному повороту в истории философии был обусловлен, прежде всего, его предшествованием языку и дискурсивным практикам.

Семиотические аспекты визуального поворота проистекают из разработанной Ч. Пирсом типологии знаков и разграничении трех типов реальности [4]. Типология включает знаки-образы (иконы), знаки-индексы и знаки-символы. Они лежат в основе аналоговой (первичной), пространственно-временной (вторичной) и символической (третичной) реальности [5]. Поэтому визуальный поворот в историко-философском познании означает, что пониманию мира через язык (символической реальности) предшествует понимание мира через визуальные образы (аналоговая реальность), которые рассматриваются в качестве ресурса познания.

Расширение пространства историко-философских исследований становится возможным посредством поиска ответов на вопрос: Каким способом образы воспроизводят смыслы? В плане конструирования философской аргументации ответы предполагают выявление когнитивных механизмов мышления, связанных с

метафорой и ее источниками — ассоциациями и типизациями (обобщениями). Именно метафора лежат в основе построения первичной реальности в отличие от реальности вторичной, в которой ведущим когнитивным механизмом служит метонимия. Таким способом становится возможным реконструкция историко-философского процесса через призму прагматической дискуссионной модели [5].

Визуальные границы являются границами первичной аналоговой реальности, которую устанавливает любой мыслитель. Это границы видимого им мира, который выступает в историко-философском исследовании в одном ракурсе контекстом, в другом — подтекстом. Значит, без осмысления этих границ невозможно реконструировать пространственно-временные характеристики образов, т. е. текстуальных репрезентаций мыслителя, которые оформлены лингвистически (символически). Однако использование вербальных знаков всегда имеет невербальный подтекст в форме психологического уровня индивидуального восприятия. Поэтому семиотические аспекты визуального поворота в историко-философских исследованиях связаны с третичной структурой логики, от которой зависит «портрет» смысла визуального образа, и с наблюдателем (интерпретатором). Третичная структура логики раскрывает визуальный образ через призму его синтаксиса, семантики и прагматики, который определяют специфику образных представлений информации и визуального мышления. Актуальными являются два вопроса: Что визуализируется? С какой целью визуализируется? [6]. Это означает, что изображение зависит от форм представления сознанию наблюдателя (интерпретатора) визуально воспринимаемой им информации.

Вывод. Искомые аспекты заключаются в особенностях восприятия мыслителя, формирующие аналоговую реальность на основе метафоризации. Ее значение в историко-философских исследованиях определяется первичностью по отношению к метонимии и символизации.

Литература

1. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Философские работы: [в 2 ч.]. Ч. 1. — М. : Гнозис, 1994. — С. 1–74.
2. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. — М. : Ad Marginem, 2000. — 511 с.
3. Воеводина, Л. Н. Визуальный поворот и новые культурные практики / Л. Н. Воеводина // Журнал : Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2023. — № 3 (113). — С. 97–103.
4. Пирс, Ч. Икона, индекс, символ / Ч. Пирс // Пирс Ч. Начала прагматизма. — СПб. : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ ; Алетейя, 2000. — С. 76–97.
5. Воробьева, С. В. Семиотические основания когнитивной герменевтики / С. В. Воробьева // История. Семиотика. Культура: сб. материалов Междунар. науч. конференции. — Самара : Самар. гуманит. акад., 2018. С. 289–296.
6. Зайцева, Н. В. Логическая визуализация смысла / Н. В. Зайцева // Ценности и смыслы. — 2022. — № 6 (82). — С. 6–19.

ИЗУЧЕНИЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ИСТОРИОГРАФИИ

Герасименко С. И.

преподаватель кафедры философии и политологии
с курсом повышения квалификации и переподготовки

УО «Белорусский государственный медицинский университет»

Актуальность. Проблемное поле в историографии по вопросу землеустройства на белорусских землях является одним из самым востребованных в современной отечественной науке. Долгое время в историографии не получали комплексного изучения вопросы формирования и правового положения на белорусских землях в конце XVIII – начале XX в. В то же время историческая наука располагает рядом работ, посвященных эволюции феодального землевладения на белорусских землях, без которых современные достижения, анализ и выводы отечественной историографии были бы невозможны. Благодаря патриотам и смелым ученым того времени в наше время историографии есть от чего отталкиваться.

Цель исследования. Исследовать структуру и последовательность изучения землеустройства на белорусских землях в историографии.

Основные положения исследования. Периоды изучения территории Беларуси можно разделить на этапы. Первый этап охватывает время с древнейших времен до политической раздробленности Киевской Руси и ее разделения на удельные княжества. Сюда можно отнести работу О. В. Турчиновича, исследовавший период от скифов до будинов. Он впервые начал изучать земельную собственность у восточных славян. Наиболее значительной работой О. Турчиновича стала «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен». Несмотря на описательный характер, работа О. Турчиновича имела огромное значение. История Беларуси впервые рассматривалась в ней не как составная часть истории Литвы, Польши или России, а как история непосредственно белорусского края и белорусского народа [1, с. 6].

Следующий период охватывает время от образования Великого Княжества Литовского (ВКЛ) до образования Речи Посполитой (РП). К этому периоду можно отнести М. К. Любавского и М. И. Лаппо. Они в своих исследованиях уделяли особое внимание истории ВКЛ и его путям вхождения в состав РП [1, с. 9].

Третий период охватывает время от подписания разделов РП до отречения от престола последнего царя Российской империи. В данный период можно отнести исследования Е. Ф. Карского, М. В. Довнар-Запольского, В. У. Ластовского, В. С. Игнатовского, В. И. Пичеты и И. И. Григоровича. В это время начался самый важный период в изучении истории белорусского народа [1, с. 12].

Первыми целенаправленными исследованиями в области изучения белорусских земель являлись исследования, посвященные белорусской культуре, становлению белорусов как отдельной нации и отделению белорусских земель от Российской империи. Об этом говорят работы Е. Ф. Карского, М. В. Довнар-Запольского, В. У. Ластовского. Так такое землеустройство в дореволюционный период не являлось объектом изучения, однако были первые попытки в научных трудах В.И. Пичеты. Углубленное изучение структуры управления белорусских земель началось уже после вхождения их в состав Российской империи [1, с. 14].

Первые исследования, в которых нашли отражение некоторые аспекты истории частных земельных владений на территории Беларуси, появились в конце XIX в. – начале XX в. в период советской историографии. В работах М. О. Без-Корниловича, В. К. Стукалича, П. Д. Брянцева, А. П. Смородского и в материалах, собранных офицерами Генерального штаба П. О. Бобровским, А. К. Корево были опубликованы краткие исторические очерки о городах и местечках, охарактеризованы основные виды их хозяйственной деятельности [1, с. 13].

Вывод. Характерная черта всех дореволюционных исследований в области землеустройства — фрагментарность сведений и слабая источниковая база. Историки не акцентировали внимания на существовании на территории Беларуси частной земельной собственности и ее управлению.

В советской историографии 20-х гг. XX в. проводились первые исследования по анализу процесса реформирования земельных отношений, дифференциации ремесленного производства в городах, а также заложили основу дальнейшего изучения социально-экономических отношений на белорусских землях [2, с. 5].

Основной задачей современной белорусской историографии стало рассмотрение более широкого диапазона вопросов о землеустройстве на белорусских землях. Историки обратились к более детальному изучению социально-экономических аспектов в истории белорусских земель. Однако исследования ученых стали отправной точкой в изучении вопроса о формировании и функционировании частной земельной собственности, ее правового оформления и включенности социально-экономического развития белорусских земель.

Литература

1. Карев, Д. В. Изучение истории Беларуси в белорусской историографии 90-х годов XX – начала XXI века (Основные проблемы и тенденции изучения истории феодальной Беларуси, белорусской историографии и источниковедения) / Д. В. Карев // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуман. Науки. История. – 2012. – № 9. – С. 6–15.
2. Крючек, П. С. Проблема включения белорусских земель в состав Российской империи в историографии конца XVIII – первой половины XIX в. / П. С. Крючек, В. Н. Сергеев // Труды БГТУ. История, философия, филология. – 2014. – № 5. – С. 3–6.

НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ КАК ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Гребенчук М. А.

преподаватель кафедры философии и политологии
с курсом повышения квалификации и переподготовки
УО «Белорусский государственный медицинский университет»

Актуальность. Наследие Великой Победы является стержнем белорусской государственности, базовой ценностью национальной идеологии и ключевым фактором национальной безопасности. В современной Беларуси память о войне переведена в плоскость государственной политики, что особенно актуально в условиях попыток фальсификации истории, пересмотра итогов Великой Отечественной войны и героизации нацизма.

Цель исследования. На основе официальных источников информации, нормативной правовой базы, а также публикаций белорусских авторов раскрыть роль наследия Великой Победы как фактора государственной исторической политики Беларуси и обосновать его значение для формирования национальной идентичности, патриотического воспитания и обеспечения суверенитета страны.

Основные положения исследования. В отечественном политологическом дискурсе под исторической политикой понимается «система целенаправленной деятельности институтов государственной власти по формированию национального историко-государственного мировоззрения человека и общества, укреплению историко-культурных и духовно-этических представлений людей, их готовности к созидательному труду, отстаиванию государственной безопасности и национальных интересов Отечества» [1, с. 10–11].

Наше государство является показательным примером реализации исторической политики в условиях особой значимости мемориального наследия Великой Отечественной войны, что напрямую согласуется со статьей 15 Конституции Республики Беларусь, возлагающей на государство ответственность за сохранение «исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» [2]. В то же время статья 54 Основного Закона нашего государства гласит, что «каждый обязан беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности. Сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь» [2].

На совещании по вопросам реализации исторической политики Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил, что «мы должны признать, что страницы отечественной истории превратились в информационное поле боя. И случилось это не сейчас. Сегодня историческая политика является для нас стратегией самосохранения в условиях глобального передела сфер влияния в мире. Это фактор национальной безопасности» [3].

Важнейшим институциональным решением стало создание в 2022 году Республиканского совета по исторической политике при Администрации Президента — постоянно действующего межведомственного консультативного и координирующего органа. В его компетенцию входит определение стратегии исторической политики, координация деятельности госорганов, подготовка проектов нормативных актов, а также инициирование увековечения памяти погибших воинов. Ключевую роль в работе совета выполняет Национальная академия наук, обеспечивающая научно-методическое сопровождение [4].

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь защита исторической памяти является одним из стратегических национальных интересов нашей страны [5].

Академик Национальной академии наук Беларуси В.Г. Гусаков подчеркнул, что «память о всенародном сопротивлении нацизму и героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны является мощнейшей скрепой современного белорусского общества, что зафиксировано в основах идеологии нашего государства» [6].

Противодействие фальсификации истории стало важным направлением государственной политики. В 2021 году Генеральная прокуратура Беларуси возбудила уголовное дело о геноциде белорусского народа, что создало правовой барьер для фальсификации истории. Возбуждены уголовные дела об умышленных действиях по реабилитации нацизма [7].

В рамках реализации исторической политики в Беларуси проведен объем работ по совершенствованию системы образования. Министерство образования Республики Беларусь утвердило Концепцию развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [8], направленную на формирование исторической памяти и ценностного отношения молодежи к прошлому. Особый акцент сделан на событиях Великой Отечественной войны и вопросах геноцида белорусского народа. В вузах введена обязательная учебная дисциплина «История белорусской государственности» [9], в фокусе которой — важные вопросы политического, государственного, социально-экономического, культурного, духовного, конфессионального развития нашего народа.

Вывод. Историческая политика выступает институциональным и символическим инструментом, посредством которого государство формирует канонические версии истории, определяет границы допустимого и интерпретирует прошлое для решения актуальных задач. В свою очередь наследие Великой Победы является фактором исторической политики Беларуси, а значит и национальной идентичности, государственного суверенитета и национальной безопасности. Институциональные, научные, образовательные и правовые механизмы направлены на сохранение исторической правды и передачу памяти о подвиге предков будущим поколениям.

Литература

1. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя [и др.] // *Беларуская думка*. – 2019. – № 8. – С. 3–11.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 77 с.
3. Совещание по вопросам реализации исторической политики // Интернет-портал Президента Республики Беларусь // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosam-realizacii-istoricheskoy-politiki> (дата обращения: 01.05.2026).
4. О Республиканском совете по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь: распоряжение Президента Респ. Беларусь от 4 февр. 2022 г. № 22рп // Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/rasporyazhenie-no-22rp-ot-4-fevralya-2022-g> (дата обращения: 01.05.2026).
5. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорусского народного собрания от 25 апр. 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения: 01.05.2026).
6. Гусаков, В. Г. Память о подвиге нашего народа в годы Великой Отечественной – мощнейшая скрепа общества / В. Г. Гусаков // *БелТА*. – URL: <https://belta.by/society/view/gusakov-pamjat-o-podvige-nashego-naroda-v-gody-velikoj-otechestvennoj-moschnejshaja-skrepa-obschestva-713064-2025> (дата обращения: 01.05.2026).
7. О геноциде белорусского народа : Закон Респ. Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=N12200146> (дата обращения: 01.05.2026).
8. О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 нояб. 2021 г. № 683 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100683> (дата обращения: 01.05.2026).
9. Первокурсники вузов будут изучать историю белорусской государственности // *СБ. Беларусь сегодня*. – URL: <https://www.sb.by/articles/pervokursniki-vuzov-budut-izuchat-istoriyu-beloruskoy-gosudarstvennosti.html> (дата обращения: 01.05.2026).

БИОВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ МЕДИЦИНЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ И МЕХАНИЗМОВ КОНТРОЛЯ

Красникова И. Г.

старший преподаватель кафедры философии и политологии
с курсом повышения квалификации и переподготовки
УО «Белорусский государственный медицинский университет»

Актуальность. Проблематика биовласти, изучение механизмов управления и контроля над отдельным индивидом и обществом в целом в последние десятилетия становится одной из самых обсуждаемых в гуманитарном дискурсе. В условиях цифрового общества и формирующейся цифровой медицины облик биовласти существенно меняется, что задает необходимость более пристального анализа ее сущности и инструментов контроля.

Цель исследования. Охарактеризовать трансформации стратегий биовласти в условиях цифровой медицины.

Основные положения исследования. Впервые феномен биовласти, исторический контекст ее формирования описал в своих работах французский мыслитель М. Фуко. На рубеже XVIII – XIX вв. объектом власти становятся процессы рождаемости, смертности, продолжительности жизни, а ведущим агентом биовласти выступает медицина [1]. Медицина использует различные инструменты контроля как над телом отдельного индивида, так и над популяцией, устанавливая стандарты и нормы для человеческого тела и поведения, подвергая медикализации различные состояния (беременность, старение, девиантное поведение), управляя биологическими процессами населения через сбор статистики о рождаемости, уровне заболеваемости, смертности. М. Фуко отмечает, что биовласть формирует как дисциплинарные практики, которые приучают индивидов следить за своим здоровьем и телом, превращая их в «послушные тела», так и стремится к модификации феноменов жизни и смерти — снизить уровень заболеваемости, увеличить продолжительность жизни, стимулировать рождаемость [1].

В условиях цифровой медицины, основанной на цифровых технологиях (искусственный интеллект, большие данные (Big Data), цифровые устройства мониторинга, мобильные медицинские приложения и др.), широко используемых для диагностики, мониторинга, лечения, профилактики заболеваний и управления процессами в системе здравоохранения, пространство биовласти существенно расширяется.

Во-первых, следует отметить тенденцию усиления медикализации общества. В последние десятилетия заметно увеличиваются границы медицинского вмешательства, масштабы власти медицинских экспертов и фармацевтических компаний. Современная медицина не только включает в свое пространство ряд состояний человека (например, беременность, старение, менопауза и др.), которые ранее считались естественными и не требующими медицинского вмеша-

ства, но и конструирует предболезненные состояния (преддиабет, предгипертония и др.), которые требуют постоянного мониторинга. Заинтересованы в конструировании новых границ болезней и предболезненных состояний и фармацевтические компании. Становится более глубоким уровень проникновения медицины с помощью цифровых технологий в телесность человека (генетическое тестирование, скрининг, создание эмбрионов *in vitro*, контроль над процессом умирания). Цифровая медицина, собирая большие данные, создает цифровой медицинский профиль индивида и населения, что в свою очередь, оказывает значительное влияние на политические и экономические процессы. По мнению ряда авторов [2, 3] биокапитализм становится современной социально-экономической системой, в которой биологическая жизнь и человеческое тело являются объектами извлечения прибыли и высокодоходного бизнеса в глобальной экономике. Д. В. Михель отмечает: «Управление индивидами в еще большей степени, чем прежде, становится «знаниевым» и «технологичным», сводясь преимущественно к принятию решений, связанных с тем, как жить и что делать для продления жизни. Биополитика эпохи биокапитализма становится еще более расчетливой, еще более экономически обоснованной. Нельзя не заметить того, что она все больше напоминает бизнес, а жизнь, на которую она нацелена, превращается для многих людей в большой бизнеспроект...» [2, с. 47].

Во-вторых, следствием распространения цифровой медицины становится трансформация субъективности — восприятия человеком мира, самого себя, своей жизненной программы и перспектив. Возникает цифровой паноптикум, внешний контроль превращается в постоянную «заботу о себе» и самоконтроль, когда человек контролирует свое состояние здоровья и биологические показатели с помощью набора измеряемых данных (пульс, сон, физическая активность, уровень сахара, показатели крови и др.), осуществляя количественную оценку своей жизни и соотнося эти показатели с «нормальными» стандартами. Примером может служить цифровой селф-трекинг — регулярный сбор и мониторинг данных с помощью носимых устройств и медицинских приложений. «Забота о себе» и относительная автономия индивида, парадоксальным образом приводит к еще большей зависимости от медицинских знаний и услуг. Стремление к «здоровым» стандартам превращается в постоянное управление рисками и превентивные меры, что создает страх, тревожность и новую форму подчинения (например, постоянный мониторинг показателей, генетическое тестирование на риски). Человек не редко начинает воспринимать себя исключительно через призму медицинских диагнозов, что влияет на его самоидентификацию («я — диабетик, онкобольной и т. д.»).

Вывод. Трансформация стратегий биовласти в современных реалиях непосредственно связана возникновением цифровой медицины. Дальнейшее усиление биовласти (которое видится наиболее вероятным прогнозом с учетом эволюции цифровой среды и биомедицинских технологий) актуализирует вопросы, связанные с антропологическими перспективами и рисками возможного тотального контроля над биологическим телом человека на микроуровне и управления населением (популяцией) на макроуровне.

Литература

1. Фуко, М. «Нужно защищать общество»: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / Мишель Фуко. – Санкт-Петербург: Наука, Санкт-Петербургская издательская фирма, 2005. – 312 с.
2. Михель, Д. В. Биокапитализм: новые технологии, новая экономика, новые формы труда и контроля в глобальном мире / Д. В. Михель // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. – 2019. – № 4. – С. 25–49.
3. Попов, Д. В. Цифровая биомедицина и надзорный капитализм в логике биополитического управления / Д. В. Попов. – Текст: электронный // Медицинская антропология и биоэтика. – 2022. – № 2 URL: <https://doi.org/10.33876/2224-9680/2022-2-24/04> (дата обращения: 15.05.2026)

Г. В. ПЛЕХАНОВ КАК ПУБЛИЦИСТ: РОЛЬ ПЕЧАТИ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

Кулак Н. И.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии
с курсом повышения квалификации и переподготовки
УО «Белорусский государственный медицинский университет»

Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918) – одна из ключевых фигур российского и международного социалистического движения. Его вклад в развитие марксистской теории и распространение революционных идей невозможно переоценить. Однако помимо философских и политических трудов, Г. В. Плеханов сыграл важнейшую роль как публицист, использовавший печать в качестве мощного инструмента революционной борьбы. Его публицистическая деятельность стала важным инструментом формирования революционного сознания и развития марксистской теории в России [1].

Во второй половине XIX века, в условиях жесткой цензуры со стороны царского правительства, легальная и нелегальная печать стала одним из основных средств распространения революционных идей. Г. В. Плеханов, будучи одним из основателей группы «Освобождение труда» (1883), осознавал силу слова и систематически использовал публицистику для популяризации марксизма в России, критики народничества и для организации революционного движения через печатные издания. Его статьи отличались ясностью изложения, логической стройностью и полемической остротой, что делало их эффективным инструментом идеологической борьбы.

Первые шаги в области печати своих работ Г. В. Плеханов сделал еще в 1870-х годах, когда активно участвовал в народническом движении. Его статьи того периода были посвящены критике существующего строя и пропаганде социалистических идей среди рабочих и крестьян. После вынужденной эмиграции в 1880 году он создает ряд важных публицистических работ, а группа «Освобождение труда», основанная им в Женеве, стала центром распространения марксистских идей в России. В этот период, его работы были направлены на критику народничества и обоснование необходимости перехода к марксизму; анализ социально-экономического развития России, пропаганду научного социализма и борьбу с оппортунизмом в международном рабочем движении.

Важно отметить, что Г. В. Плеханов активно сотрудничал с эмигрантскими изданиями (которые отнесены к нелегальной печати) и которые тайно переправлялись в Россию. К ним можно отнести журнал «Социал-демократ» — издававшийся группой «Освобождение труда», где Г. В. Плеханов публиковал программные статьи, разъясняющие основы научного социализма и «Заря» — первый русский марксистский журнал (1901–1902), в котором Г. В. Плеханов полемизировал с «экономистами» и ревизионистами.

Несмотря на цензуру, Г. В. Плеханову удалось опубликовать свои статьи и знаковые работы в легальной прессе. К примеру, «Наши разногласия» (1885) —

одну из первых своих крупных работ, направленную против народничества и статьи в журналах «Новое слово», «Начало» — где он популяризировал марксизм в завуалированной форме.

В 1900–1903 годах Г.В. Плеханов вошел в редакцию газеты «Искра», которая сыграла ключевую роль в объединении российских социал-демократов. Его публикации в «Искре» (особенно полемика с оппортунистами) способствовала идейному оформлению будущей РСДРП (первый съезд партии состоялся в г. Минске).

Г. В. Плеханов рассматривал печать не просто как средство агитации, но и как важнейший организационный инструмент. В условиях быстро меняющихся парадигм, именно газеты и журналы формировали революционное сознание рабочих и интеллигенции; объединяли разрозненные кружки в единое движение; служили трибуной для теоретических дискуссий, без которых невозможно было создать прочную партийную структуру. Даже после раскола с большевиками в 1903 году Г. В. Плеханов продолжал активно использовать печать для отстаивания своих взглядов, критикуя как меньшевистский оппортунизм, так и большевистский радикализм.

К сновным достижениям Г. В. Плеханова в области публицистики можно отнести:

1. *Формирование марксистской теории в России.* Именно Г. В. Плеханов сыграл ключевую роль в адаптации марксистских идей к российским условиям, делая акцент на классовой борьбе и социальном неравенстве. Его работы способствовали распространению марксистской теории среди рабочих и интеллигенции [2].

2. *Создание и развитие социалистической литературы.* Он активно продвигал идеи социализма через статьи, брошюры и книги, которые были доступны и понятны широкой аудитории. На сегодняшний день полное собрание сочинений философа включает 24 тома.

3. *Разработка и популяризация теории революции.* Его работы помогли сформировать стратегию для будущих революционных действий. И как однажды заметил В. И. Ленин, невозможно стать марксистом, не изучив труды Г. В. Плеханова.

Г. В. Плеханов как публицист внес огромный вклад в развитие революционной печати в России. Его работы не только распространяли марксистские идеи, но и формировали язык социал-демократии, который позднее использовали В. И. Ленин [3, 4] и другие революционеры. Несмотря на расхождения с большевиками в 1917 году, его публицистическое наследие осталось важной частью истории российского революционного движения. Г. В. Плеханов как публицист оставил значительное наследие, которое продолжает влиять на политическую и социальную мысль в России и за ее пределами.

Литература

1. Кулак, Н.И. Г.В. Плеханов как историк философии: историографический обзор / Н. И. Кулак // Агора : сб. науч. ст. по философии студентов, магистрантов и аспирантов фак. философии и соц. наук БГУ / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2019. – Вып. 1. – С. 35–40.
2. Кулак, Н. И. Философия марксизма в оценке Г.В. Плеханова / Н. И. Кулак // Науч. горизонты. – 2019. – № 3. – С. 34–39.
3. Кулак, Н. И. Г. В. Плеханов и В. И. Ленин: историко-философская реконструкция / Н. И. Кулак // European Scientific Conference : сб. ст. XVIII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 8 янв. 2020 г. : в 2 ч. / Междунар. центр науч. сотрудничества «Наука и Просвещение» ; отв. ред. Г. Ю. Гуляев. – Пенза, 2020. – Ч. 1. – С. 184–186.
4. Кулак, Н. И. Г. В. Плеханов и В. И. Ленин: два источника марксистской философии // сборник тезисов конференции «Современная цивилизация, капитализм и социальная справедливость (к 150-летию со дня рождения В. И. Ленина)» / Отв. ред.: В. В. Козловский, Е. В. Недосека. СПб. : Интерсоцис, 2020. – С. 65–67.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ РЕЛИГИИ В ФИЛОСОФИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Кулак Н. И.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии
с курсом повышения квалификации и переподготовки
УО «Белорусский государственный медицинский университет»

История религии очень древняя и сложная область изучения. Каждая эпоха давала свое определение божественного и поэтому каждое религиозное определение должно рассматриваться в контексте своего культурного периода.

Г. В. Плеханов обращается к определению, данное англо-американским философом Т. Пейном, согласно которому, «...бог есть благорасположенный к человеку» [1, с. 351], за что и подвергается критике со стороны русского марксиста, считавшего, что в определении присутствует большая доля индивидуализации, достичь которую сразу, невозможно. В эпоху господства тотемизма, — замечает Г. В. Плеханов, для человека объектом поклонения служил не индивидуум и не группа, а большая разновидность животных. Исходя из марксистской терминологии, можно предположить, что ввиду экономической основы, которая была характерна для первобытного охотника, первоначальные формы религиозного сознания и возникали, например тотемизм. «Бог — точнее: божественный клан — не заботится о человеческой нравственности, как это делает, например, бог христианский, еврейский, магометанский и т. п. Первобытный божественный клан наказывает людей только за их грехи по отношению к нему самому» [1, с. 350–351].

Материалистическое понимание религии — одно из ключевых направлений в философском наследии Г. В. Плеханова. Его концепция религии базируется на марксистской методологии и представляет собой глубокий анализ религиозных явлений с позиций материалистического мировоззрения.

Стоит отметить, что тема религии в учении Г. В. Плеханова не занимала ключевую роль до 1908–1909 гг. Когда религиозные вопросы охватили общественное сознание, став реакцией на социально-политические события данного периода. Г. В. Плеханов обратился к исследованию данного феномена с позиций учения К. Маркса, считавшего, что религиозные вопросы имеют не теологическое, а общественное значение. Оценка религиозных исканий Г. В. Плехановым, была также спровоцирована распространением религиозных элементов не только среди интеллигенции, но и авангардного рабочего класса, иммунитет которому должен был обеспечить марксизм.

В статье «О религии», напечатанной впервые в сентябре 1909 г. в журнале «Современный мир», Г. В. Плеханов определял религию, как «...более или менее стройную систему представлений, настроений и действий. Представления образуют мифологический элемент религии; настроения относятся к области религиозного чувства, а действия — к области религиозного поклонения или, как говорят иначе, культа» [1, с. 330].

В основе понимания религии Г. В. Плехановым лежит диалектический материализм. Он утверждал, что религиозные представления не являются первичными, а возникают как отражение материальных условий жизни общества. Религия рассматривается как форма общественного сознания, тесно связанная с экономическим базисом общества. Г. В. Плеханов развивал идею о том, что религиозные верования и обряды формируются под влиянием социально-экономических отношений, уровня развития производительных сил, исторических условий существования общества и классовой структуры. Религия является своеобразным способом осмысления человеком окружающего мира, а в условиях недостаточного развития науки и технологий люди прибегают к религиозным объяснениям природных явлений и социальных процессов.

Советский философ, белорусского происхождения С. Я. Вольфсон в труде «Плеханов», верно отметил, что «к сожалению, момент зависимости религиозных представлений от общественных отношений был Г. В. Плеханова лишь схематически намечен, но не разобран. Это обстоятельство наносит серьезный ущерб его религиозной концепции, хотя даже того немногого, что Плеханов сказал об этом моменте, достаточно для того, чтобы не говорить о недооценке им зависимости религиозных представлений и верований от социального фактора» [2, с. 241].

Обращение Г. В. Плеханова к религии связано со временем, когда он прочно придерживался учения Маркса-Энгельса. Это обстоятельство отразилось в критике некоторых немецких ученых, этнологов, которые были несогласны с применением исторической теории классиков марксизма в религиозной области и стремились ее опровергнуть. Прежде всего, Г. В. Плеханов указывает на Э. Гана и его труд «Die Haustiere», etc., в переводе «Домашние животные» и т. д., вышедший в 1896 г. Главный упрек в сторону основателей научного социализма, со стороны Э. Гана, заключался в том, «...будто теория исторического материализма не оставляет никакого места для воздействия сознания людей на их общественное бытие» [1, с. 356]. Вследствие чего, теория К. Маркса и Ф. Энгельса является односторонней. Однако, по мнению Г. В. Плеханова, данная критика несостоятельна и показывает, что теория исторического материализма была понята не верно, а человеческое сознание, согласно концепции классиков марксизма, всегда вырастает из общественного бытия и воздействует на него для последовательного развития.

Таким образом, вывод, к которому приходит Г. В. Плеханов, системно анализируя религиозные элементы, заключается в постоянной смене религиозных исканий в процессе изменения историко-философских парадигм, в результате чего формируются специфические черты новой религиозной системы.

Материалистическое понимание религии по Г. В. Плеханову представляет собой концепцию, основанную на диалектико-материалистическом подходе. Религия рассматривается им не как вечное и неизменное явление, а как исторически обусловленный феномен, тесно связанный с материальными условиями жизни общества.

Идеи Г. В. Плеханова о социальной природе религии и механизмах её функционирования сохраняют свою актуальность и в современных условиях. Его анализ религиозных явлений помогает лучше понять процессы, происходящие в современном обществе, и способствует формированию научного мировоззрения.

Концепция Г. В. Плеханова обогатила марксистскую теорию религии и внесла значительный вклад в развитие материалистического понимания общественных процессов, а его идеи о взаимосвязи религии и социально-экономических отношений остаются актуальными для современной философской мысли.

Литература

1. Плеханов Г. В. О так называемых религиозных исканиях в России / Г. В. Плеханов. Избранное собрание сочинений в 5 т., Том 3. – М. : Государственное издательство, 1957. С. 326–402
2. Вольфсон С. Я. Плеханов / С. Я. Вольфсон. – Минск: Белтрестпечатъ, 1924. – 349 с.

ЯЗЫК КАК МОДУС ПОДЛИННОГО БЫТИЯ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

Курачинская Д. С.

преподаватель кафедры философии и политологии
с курсом повышения квалификации и переподготовки
УО «Белорусский государственный медицинский университет»

Актуальность. Лингвистический поворот определил интеллектуальную мысль XX века, оформившись в целое философское направление — философию языка. Последнее выявляет основополагающую роль языка в познании и структурах сознания. Согласно данному направлению, язык является ключом к пониманию мышления, а значит, и пониманию самого человека. Немецкий философ М. Хайдеггер высвечивает проблему, ставшей краеугольным камнем XX века — кризис человека, проявляющийся в «стирании значимости» самого человека, окружающего мира. Для М. Хайдеггера этот кризис укоренен именно в языке. Забвение бытия проявляется как вырождение языка в инструмент технической коммуникации, в «болтовню», которая стирает значимость мира и человека. В ситуации инструментализации коммуникации и информационного шума хайдеггеровская постановка вопроса о языке как условии подлинного существования человека приобретает значимость, требуя переосмысления в свете антропо-ориентированного подхода.

Цель исследования. Эксплицировать антропологическое содержание ключевых концептов философии М. Хайдеггера.

Основные положения исследования. Философский путь для М. Хайдеггера начинается с вопрошания. Согласно немецкому философу, сущность философии раскрывается в языке и как язык. Язык для М. Хайдеггера — не инструмент для описания мира, а «дом бытия», то есть подлинное место человеческого существования. Бытие (Sein) не существует где-то отдельно, оно «сбывается» в языке. Не мы говорим на языке, а язык «говорит» нами. Человек входит в уже сложившийся языковой конструкт, который несёт в себе определённое понимание мира и бытия. Наше мышление насквозь пропитано языком и состоит из языковых выражений. Сама жизнь располагается в лоне языка.

Подлинно человеческое, согласно М. Хайдеггеру, открывается только в чувстве ужаса, которое охватывает индивида перед лицом смерти. «Опосредованное ужасом знание о собственной конечности, определяющее человека как «брошенное в мир присутствие» (Dasein), ставит перед ним задачу использовать и постичь собственные бытийные возможности» [1, с. 28]. И цель этого постижения — подлинность. М. Хайдеггер утверждает, что человеческое бытие непосредственно связано со временем. Человек так или иначе включен в историческую ленту времени; находясь в мировом летоисчислении индивид приватизирует событие/ситуацию, делая его уникальным. И в этих индивидуальных ситуациях жизни, человек осознает и даже утверждает собственную конечность. «Настоящая же роль философии состоит как раз в том, чтобы держать человека

открытым для истинных бездн ужаса, освобождая его, таким образом, в подлинном смысле» [1, с. 29].

Философия способна достичь намеченной цели, если будет погружена в саму жизнь. Философия, согласно М. Хайдеггеру, не есть пустая болтовня, она проникает в подлинное как таковое посредством своей честности. Однако, чтобы достичь подлинного как такового необходим человек, который является связкой мира и подлинного существования (Dasein). М. Хайдеггер высвечивает проблему, ставшей краеугольным камнем XX века — кризис человека. Последнее проявляется в «стирании значимости» самого человека, окружающего мира. «Мы, люди, суть единственные существа, которые могут задать себе вопрос о том, что есть, а значит, о смысле бытия. Поэтому только для нас все, что имеется, существует здесь (da) — и в этой данности, по сути, находится под вопросом. Только для нас «имеется» мир» [1, с. 60–61]. Поэтому М. Хайдеггер вскоре и введет термин для обозначения человека – Dasein – «присутствие».

Антропо-ориентированная мысль М. Хайдеггера направлена не на воспевание человека-творца, а на возвращение человеку способности у-знать, у-слышать бытие через напластования языка, чтобы вернуть миру его значимость.

Язык дан человеку, но в повседневности он вырождается в «болтовню», стирая значимость. Подлинный язык — это «сказание», которое требует от человека мужества смотреть в бездну ужаса. Поэтому антропо-ориентированная установка в философии М. Хайдеггера раскрывается как этическая задача: человек призван из болтающего существа стать «пастухом бытия».

Здесь М. Хайдеггер предстает как пророк-экзистенциалист. Человечеству необходимо озарение, правильное видение, которое было утрачено с появлением активного картезианского субъекта познания. По мысли немецкого философа, подлинно аутентичное существование возможно лишь на родине, в собственной укорененности народности.

Человек и мир связаны друг с другом именно в Бытии, последнее есть исходная точка их слияния/пересечения. С одной стороны, М. Хайдеггер стремился отречься от напластований культурных кодов, которые запленили философскую сцену. В этом стремлении мы считываем влияние гуссерлианского «эпохе», метода редукции, которая необходима для очищения сознания. Не впитавшее еще ни одной философской доктрины сознание направлено на сами вещи, каковы они суть. И здесь, по замечанию Н. В. Мотрошиловой, М. Хайдеггер предпринимает попытку «выявить» вещь. Ту самую кантовскую вещь-в-себе «обнажить» в явленности, забыв о всякой философии.

С другой стороны, М. Хайдеггер признается, «что бы и как бы мы ни пытались мыслить, мы мыслим в пространстве традиции» [2, с. 28]. Традиция, языковая «сложенность» народа предопределяет путь философствования. Именно традиция, как реликт архаического, важна для растолковывания философии М. Хайдеггера. Немецкий мыслитель пытается открыть «путь назад», повернуться к изначальному мышлению. А оно, согласно М. Хайдеггеру, берет истоки

в традиции, почве, родине человека. Как утверждает В. Анц в своей работе «Диалог Хайдеггера с традицией», «в беседе с традицией обнаруживается историчность философии, т.е. ее привязанность к фактическому ходу «истории бытия»» [3, с. 55].

М. Хайдеггер не ставит человека в «центр» в гуманистическом смысле, а мыслит его как «вот, место» (Da) просвета бытия. Это и есть его специфический «антропоцентризм»: человек важен как условие события истины.

Н. В. Мотрошилова утверждает, что «онтологическая, «мировая» нацеленность философии Хайдеггера, ее повернутость к «самим вещам» ни в коей мере не отменяет того факта, что это и антропо-ориентированная и, возможно, антропоцентрированная философия» [3, с. 47]. Следовательно, философия М. Хайдеггера — всегда философия о человеке, его подлинном существовании, соотносении с миром. А путь, открывающий просторы Бытия есть поэзия.

Вывод. Философский путь М. Хайдеггера — это онтологическое вопрошание и вслушивание в язык как «дом бытия», попытка сделать невыразимое выразимым через поэзию и мышление. М. Хайдеггер сконструировал собственную философию, в сердцевине которой находился язык, понятый не просто как инструмент, но как вместилище тайны. Путь к тайне, согласно философии немецкого мыслителя, лежит через внимание к зову бытия. Последнее (бытие) раскрывается посредством языка поэзии, т.е. подлинного существования (специфический модус бытия-в-мире) человека на земле. Проведенный анализ показывает, что философия языка М. Хайдеггера неразрывно связана с антропологической ориентацией: бытие (Sein) раскрывается только через человеческое присутствие (Dasein), а язык выступает местом раскрытия подлинного существования.

Литература

1. Айленбергер, Вольфрам Время магов. Великое десятилетие философии. 1919–1929 / Вольфрам Айленбергер ; пер. с нем. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2025. – 2-е изд. – 416 с.
2. Хайдеггер, Мартин Тожество и различие / Мартин Хайдеггер ; пер. с нем. А. Де-нежкина. М. : ИТДГК «Гносис», Издательство «Логос», 1997. – 64 с.
3. Философия Мартина Хайдеггера и современность [Сборник] / АН СССР. Ин-т философии; [Редкол.: Мотрошилова Н.В. (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1991. – 253 с.

НЕТРАДИЦИОННАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Лагуновская Е. А.

кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории и политологии
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Актуальность. В конце XX в. в социогуманитарном знании постсоветского пространства интерес к проблемам духовной жизни приобрел новый вектор, важную часть которого составляет религиозный компонент. Социальные трансформации первой четверти XXI в. в белорусском обществе привели к возрастанию значения религии для развития духовных, культурных, правовых, экономических и политических процессов, что актуализирует философско-идеологическое осмысление ее места в национально-историческом контексте. С социально-философской точки зрения нетрадиционная религиозность представляет собой аксиологический вызов — феномен, который в условиях ценностного плюрализма светского государства способен влиять на трансформацию традиционных ценностных ориентаций, формировать альтернативные смысловые иерархии и создавать риски для национально-культурного суверенитета, что наиболее актуально для современной белорусской молодежи, находящейся в стадии мировоззренческого самоопределения. Актуальность темы также обусловлена необходимостью социально-философского осмысления природы, сущности и специфики аксиологического вызова со стороны нетрадиционной религиозности для выработки эффективных механизмов защиты духовно-нравственной безопасности белорусского общества.

Цель исследования. Провести социально-философский анализ нетрадиционной религиозности как аксиологического вызова в условиях социальных трансформаций белорусского государства.

Основные положения исследования. Теоретико-методологические основания анализа нетрадиционной религиозности как аксиологического вызова заложены в специализированных зарубежных и отечественных исследованиях Д. Бергмана, Т. Дэниэлса, М. Йингера, Д. Йоргенсена, П. Кларка, Т. Лукмана, Г. Мелтона, Е. Г. Балагушкина, В. И. Гараджи, И. Я. Кантерова, Е. С. Прокошина, М. Я. Ленсу, О. В. Дьяченко, В. В. Старостенко, В. А. Мартиновича и др.

В Законе Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» признается особая роль Белорусской православной церкви, Католической церкви, Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама. Данное положение позволяет рассматривать названные религии и конфессии как традиционные [1]. В национальной культуре данные традиционные религии сохраняются на протяжении длительного времени, передаются следующим поколениям, воспроизводят моральные нормы и сохраняют духовные ценности. Их элементы внедрены в быт, обряды и менталитет белорусского народа.

В условиях белорусского государства предлагается социально-философское определение нетрадиционной религиозности как комплекса религиозных движений и организаций, исторически не наследуемых национальной культурой, не являющихся частью духовности белорусского народа, распространившихся главным образом через проповедническую работу миссионеров после распада СССР. Вызовы со стороны нетрадиционной религиозности для национальной культуры белорусского народа связаны с реализацией глобализационных целей стран, породивших данные учения. Особого внимания заслуживают организации, не имеющие официальной регистрации.

В широком смысле под нетрадиционными религиями понимают различные формы альтернативной религиозности, возникающие в разные исторические эпохи. На момент своего появления как нетрадиционные выступали раннее христианство в период языческой Римской империи и протестантские течения эпохи крестьянской войны в Германии. Этот опыт свидетельствует о возможном кардинальном влиянии нетрадиционной религиозности на цивилизационное развитие. Как справедливо отмечает В.А. Мартинович, характеризуя «Пензенских сидельцев», убежденных в своих ценностях, актуальность изучения нетрадиционной религиозности, независимо от видимого внешнего благополучия в Беларуси, обусловлена не столько текущими зафиксированными случаями причинения вреда, сколько наличием у таких организаций деструктивного потенциала и способности к резким и непредсказуемым изменениям [2].

Вывод. В актуальный исторический период в контексте глобальных социальных трансформаций потенциальная возможность актуализации аксиологического вызова со стороны нетрадиционной религиозности сохраняется. Перспектива социально-философских исследований связана с изучением нетрадиционной религиозности как сложного, гибридного, многоуровневого феномена в условиях цифровизации, а также с необходимостью усиления профилактической работы по формированию религиозной грамотности и совершенствования законодательства для защиты национально-культурного суверенитета Республики Беларусь.

Литература

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19202054>. – Дата доступа: 24.04.2026.

2. Мелеховец, Б. Спецрепортаж о жизни белорусов, которые полгода жили под землей в ожидании конца света / Б. Мелеховец // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realt.onliner.by/2019/10/15/zatvorniki>. – Дата доступа: 24.04.2026.

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СТАТУСЕ ИСКУССТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Лойко А. И.

доктор философских наук, заведующий кафедры «Философские учения»
УО «Белорусский национальный технический университет»

Актуальность. Развитие технологий искусственного интеллекта достигло уровня теории разума [1]. Согласно этой теории, технология искусственного интеллекта может реализовывать функции обратной связи на основе эмпатии. На подобной основе уже работают чат боты и агенты искусственного интеллекта, а также, коллаборативные роботы. Речь идёт о компьютерных программах, у которых не было подобного человеку лица и голоса. Но разработчики смогли на основе технологий компьютерного зрения и сенсомоторных технологий создать виртуальные модификации синтетических людей. В результате высокой автономности этих компьютерных программ возникла тема искусственной личности.

Цель исследования. Состоит в том, чтобы изучить формирование феномена расширенного человека и трансформацию понятия личности с точки зрения философии права.

Основные положения исследования. В свете данных К. Марксом определений, личностью является индивид, который находится в системе общественных отношений. Чтобы находится в этой системе индивид должен быть вменяемым и пройти с помощью специальных институтов воспитания и образования социализацию. Одновременно с навыками коммуникации и освоением социальных норм индивид приобретает профессиональные компетенции и лидерские качества, которые он реализует в социальной деятельности. Индивид становится частью институциональной среды. Он может участвовать в модернизации этой институциональной среды. Расширенный человек интегрирован в человеко-машинную среду когнитивных и интеллектуальных систем. Он постоянно с ними взаимодействует и осуществляет профессиональную деятельность. Именно эта стратегия приписывается пятой промышленной революции. Но при растущей автономности технологий человеку свойственно антропологизировать их. И тогда возникают вопросы в области философии права. Они касаются статуса искусственной личности, механизмов её ответственности. Получается, что одно дело сформулировать проблему, а другое дело разрешить её средствами правового регулирования. Трудности связаны с тем, что философия права только формирует методологию работы с феноменами искусственного интеллекта. Но решение проблемы ускоряют компании, которые столкнулись с тем, что агенты искусственного интеллекта и роботы (искусственные личности) из-за предвзятости и галлюцинаций создают для них значительные судебные издержки в виде исков и штрафов.

Вывод. Философия права находится на стадии освоения новой для себя тематики, в которой есть проблемы авторского права и ответственности разра-

ботчика за качество технологий искусственного интеллекта. Гипотеза симуляции не освобождает от ответственности, поскольку агентам искусственного интеллекта доверяют чувствительные для людей вопросы приёма на работу, общения с клиентами. Философии человека придётся активно работать с цифровой антропологией, которая собирает эмпирический материал о взаимодействии людей с социальными сетями.

Литература

1. Лойко, А. И. Теория разума искусственного интеллекта: учебное пособие по общеобразовательной дисциплине «Философия и методология науки» для магистрантов, слушателей, осваивающих содержание образовательной программы магистратуры / А. И. Лойко; Белорусский национальный технический университет, Кафедра «Философские учения». – Минск: БНТУ, 2025. – Деп. в БНТУ 17.10.2025, № ДЕРВНТУ-2025-272. 94 с.

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РАННЕГО МАРКСА В АНАЛИЗЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Медведок Т. В.

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Барановский И. В.

студент 1 курса агроэнергетического факультета, гр. 17э

УО «Белорусский государственный аграрный технический университет»

Актуальность. В условиях формирования постиндустриального общества и тотальной цифровизации социальных связей возникает острая необходимость в критическом переосмыслении классических философских теорий. Наследие Карла Маркса, зачастую сводимое лишь к экономической доктрине, содержит глубокий антропологический фундамент, позволяющий диагностировать кризисные явления современной культуры. В эпоху «общества потребления» и «экономики внимания» методологический аппарат марксизма сохраняет свою эвристическую силу для анализа процессов дегуманизации, трансформации человеческой идентичности и выявления скрытых механизмов функционирования массового сознания.

Цель исследования. Раскрыть социально-философский и антропологический потенциал марксистской теории в контексте анализа вызовов современности, таких как новые формы отчуждения труда, товарный фетишизм в цифровой среде и детерминация массовой культуры экономическими факторами.

Основные положения исследования:

1. **Трансформация феномена отчуждения в цифровую эпоху.** Концепция отчуждения, сформулированная в «Экономико-философских рукописях 1844 года», рассматривает процесс превращения деятельности человека в чуждую, господствующую над ним силу. В XXI веке этот процесс переходит из производственной сферы в интеллектуальную и коммуникативную. Современный прекариат и работники платформенной экономики (фриланс-биржи, агрегаторы) сталкиваются с новой формой отчуждения, где субъектом управления выступает безличный алгоритм. Человек лишается субъектности, превращаясь в «цифровой придаток» технологической системы, что ведет к глубокому экзистенциальному кризису и потере смыслообразующих ориентиров деятельности [1].

2. **Товарный фетишизм и симулякры потребления.** Согласно теории товарного фетишизма, в рыночном обществе отношения между людьми приобретают форму отношений между вещами. В современном социуме этот процесс достигает стадии «общества спектакля», описанного Г. Дебором. Сегодня фетишизируется не столько потребительная стоимость товара, сколько его символический капитал — бренд, статус, имидж. Социальные сети становятся пространством репрезентации ложной идентичности, где человеческие качества подменяются набором потребляемых визуальных образов. В этом контексте марксист-

ская антропология позволяет вскрыть механизмы коммерциализации человеческой личности, когда сам индивид начинает рассматривать себя как товар на рынке социальных связей [3, 4].

3. Материалистическая детерминация современной культуры. Тезис о том, что общественное бытие определяет сознание, находит подтверждение в анализе современных когнитивных практик. Популярность фрагментарных форматов потребления информации (клиповое мышление, короткие видео) обусловлена логикой капитала, стремящегося к максимальному ускорению оборачиваемости не только товаров, но и внимания потребителя. Культурная надстройка современного общества (искусство, мода, медиа) жестко детерминирована интересами индустрии развлечений, что ведет к стандартизации духовного производства и вытеснению уникальных форм национально-исторического творчества универсальными коммерческими паттернами [5].

4. Антропологический гуманизм как альтернатива дегуманизации. Ранний марксизм предлагает проект «возвращения человека к самому себе» через преодоление отчуждения. В условиях биомедицинского прогресса и технологических вызовов марксистская антропология напоминает о приоритете родовой сущности человека — его способности к свободному, творческому, осознанному труду. Это создает необходимые предпосылки для аргументированной критики сциентистско-технократических моделей, в рамках которых этическое и социальное измерения прогресса оказываются на периферии исследовательского внимания

Вывод. Социально-антропологический потенциал марксизма не исчерпан и является эффективным инструментом социальной критики. Анализ отчуждения, товарного фетишизма и материалистическое понимание культуры позволяют не только диагностировать болезни современной цивилизации, но и наметить пути сохранения человеческого в человеке. Теория Маркса остается актуальной методологической основой для междисциплинарной гуманитарной экспертизы процессов глобализации и цифровизации современного общества.

Литература

1. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
2. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М. : Республика, 1992. – 430 с.
3. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
4. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор ; пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. М. : Логос, 2000. – 184 с.
5. Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1959. – Т. 13. – С. 5–9.

ЭТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТЕХНОСФЕРУ

Медведок Т. В.

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Сачковский И. В.

студент 1 курса агроэнергетического факультета, гр. 17э

УО «Белорусский государственный аграрный технический университет»

Актуальность. Современный этап научно-технического прогресса характеризуется глубокой цифровой трансформацией, движущей силой которой стал искусственный интеллект (ИИ). Внедрение интеллектуальных систем в критически важные отрасли техносферы — энергетику, промышленность, транспорт — открывает беспрецедентные возможности для оптимизации управления и снижения операционных затрат. Алгоритмы способны обрабатывать массивы данных (Big Data), недоступные человеческому восприятию, обеспечивая высокую скорость реакции на нештатные ситуации [1, с. 261]. Однако наряду с техническими преимуществами, этот процесс порождает сложные социокультурные вызовы, масштаб которых пока не до конца осознан профессиональным сообществом. В условиях формирования «экономики алгоритмов» возникает острая необходимость в критическом философском анализе рисков автоматизации и поиске условий, при которых технологическое развитие не будет противоречить фундаментальным гуманитарным ценностям.

Цель исследования. Раскрыть этическое и социокультурное измерение внедрения ИИ в техносферу, проанализировать трансформацию профессионального сознания инженера и обосновать необходимость сохранения в условиях цифровизации.

Основные положения исследования:

1. **Риск технократического детерминизма.** Ключевой проблемой цифрового перехода становится способность общества сохранить приоритет живого субъекта над безличным алгоритмом. Мы сталкиваемся с угрозой формирования мышления, где эффективность системы ставится выше социального блага. Как справедливо отмечал академик Д. С. Львов, сегодня существует риск ситуации, когда «материальное и мертвое мы поставили выше духовного и живого» [3, с. 12]. В техносфере это проявляется в дегуманизации управления: когда энергосеть или производственный комплекс начинают восприниматься исключительно как математические модели, из поля зрения исчезает человек — как оператор, так и конечный потребитель.

2. **Трансформация профессионального дискурса и коммуникации.** Внедрение ИИ меняет саму структуру общения в инженерной среде. Традиционный дискурс, основанный на понимании физических процессов и причинно-следственных связей, вытесняется языком вероятностей и машинных команд. Живое общение, интуиция специалиста и коллегиальное принятие решений подменяются доверием к автоматизированному «оракулу». Это ведет к обеднению

профессиональной культуры: специалист перестает задавать вопрос «почему это произошло?», довольствуясь ответом системы «с вероятностью 95 % нужно сделать так». Человек рискует превратиться из активного творца в пассивный «придаток интерфейса».

3. Феномен «черного ящика» и детерминация ответственности. Современные нейросети часто принимают решения, логика которых непрозрачна даже для разработчиков (black box). Отсутствие интерпретируемости критически снижает доверие к технологиям [4, с. 12]. В контексте этики это создает опасный прецедент размывания ответственности: если алгоритм совершает ошибку, ведущую к аварии в критической инфраструктуре, возникает моральный вакуум. Формирование концепции «доверенного ИИ» (Trustworthy AI) должно идти параллельно с юридическим закреплением роли человека как конечной инстанции принятия решений.

4. Психологические барьеры и алгоритмическая предвзятость. В общественном сознании укореняется иррациональный страх перед потерей контроля («восстание машин»). Однако реальная угроза лежит в области «алгоритмической предвзятости» — технологии, лишенные эмпатии, могут принимать математически верные, но социально несправедливые решения. Взаимодействие этики, эстетики, энергетике и экономики в современной науке должно рассматриваться как единая тетрада [5, с. 49]. Эстетичным и этичным становится тот проект, который внутренне гармоничен, прозрачен и безопасен для социума.

Вывод. Цифровая трансформация техносферы — это не только технический, но и культурно-лингвистический и мировоззренческий вызов. Гармонизация прогресса с традиционными ценностями и междисциплинарный подход в образовании — ключевые задачи современности. Технологии XXI века должны служить инструментом развития личности и расширения человеческих возможностей, а не их подмены [2, с. 7].

Литература

1. Аннагурбанов, Х. Применение искусственного интеллекта в управлении энергосистемами / Х. Аннагурбанов, С. А. Пионтковская // Вестник науки. – 2024. – Т. 1, № 7 (88). – С. 260–265.
2. Гулмырадова, М. Технологии XXI века и их роль в облегчении повседневной жизни человека / М. Гулмырадова, Т. Говшаков, Г. Байжанова // Наука и техника в Туркменистане. – 2023. – С. 5–9.
3. Львов, Д. С. Нравственная экономика / Д. С. Львов. – М. : Институт экономических стратегий, 2004. – 45 с.
4. Массель, Л. В. Современный этап развития искусственного интеллекта (ИИ) и применение методов и систем ИИ в энергетике / Л. В. Массель // Информационные и математические технологии в науке и управлении. – 2021. – № 4 (24). – С. 5–20.
5. Никонова, А. А. Взаимодействие этики, эстетики, энергетике, экономики в тетраде / А. А. Никонова // Хроноэкономика. – 2020. – № 2 (23). – С. 48–50.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН: ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Мозолева О. С.

преподаватель кафедры философии и политологии
с курсом повышения квалификации и переподготовки
УО «Белорусский государственный медицинский университет»

Появление феномена идентичности связано с созданием наций современного типа и возросшей мобильностью населения, которое перемешалось из одного национально-культурного пространства в другое.

Анализ психологических и социальных концепций показывает, что «война идентичностей» начинается на уровне психологии человека, когда в его «супер-эго» вносится идеология, которая способна изменить личностные ценностные установки [1]. На человека словно надевают униформу. Это позволяет манипулировать личностью и в дальнейшем такая манипуляция становится устойчивой в результате нормативного закрепления в социальной группе. Тем самым идентичность является одним из средств самоопределения личности в социуме, но в тоже время и способом манипулирования ею.

Самой мощной идеологией, позволяющей манипулировать массами и воздействовать на национальную идентичность является национализм [2]. Однако определить «национальную идентичность» через понятие «нация» для исследователей многих поколений представляло большую теоретическую сложность, поскольку не было определено само понятие «нация». Однако дать раз и навсегда единое «онтологическое» понятие «нация» невозможно: оно всегда определяется в соответствии с теми задачами, в которых оно используется, то есть гносеологически, а, следовательно, в нём есть две стороны: объективная и субъективная. Поэтому чтобы определить суть национальной идентичности необходимо исходить из субъективных факторов в определении нации, к которым относятся такие чувства как стремление к единству, воля, дух, сознание и другие. Одним из таких субъективных факторов, определяющих национальную идентичность, является её ценностный (аксиологический) характер [3]. Именно он является связующим звеном нации с национальной идентичностью, своеобразным приводным ремнём, объединяющим воедино эти два понятия, поскольку национальная идентичность — это есть постоянное подтверждение базовых национальных ценностей в структуре общественного сознания, своего рода «плебисцит каждого дня» [4].

Эта привязанность к настоящему времени является причиной того, почему национальную идентичность сложно запечатлеть: а именно, если нет достоверных свидетельств о прошлом, невозможно сказать какая тогда была национальная идентичность. При изменении системы оценок изменяется и национальная идентичность. Но, несмотря на изменения в ней, остаётся нечто неизменное: проходящие черты уходят в прошлое, а то, что остаётся в настоящем

и есть её «субстанция», имеющая «символическое значение». К этой субстанции мы можем отнести этнос, государственность, язык, территорию, объекты топонимики, культурные образцы народного творчества, кухню, национальную одежду, идентифицирующие символы государства и нации, которые передаются как национальная традиция и, взятые во всей своей совокупности как ядро, они составляют объём понятия национальная идентичность, которая (по нашему мнению) есть отражение в настоящем всего исторического развития нации во всём многообразии её идентифицирующих характеристик.

В таком понимании национальная идентичность — это симулякр нации, это копия, снятая с копии, абстракция высшего уровня. Она позволяет в стереотипном образе схватывать все её свойства и составляющие, включённые в понятие нации. Это даёт возможность каждый день отвечать на два типа вопросов: «Мы белорусы, потому что...» и «Это белорусы, потому что они...».

За устойчивость национальной идентичности отвечают реальные гомогенные группы, которые реализуют (поддерживают, сохраняют, транслируют) национальную идентичность как внутри национального образования (это может быть обязательно государство), так и вне его. Эти группы являются субъектами реальных отношений, для них характерны гомогенность и способность к самовоспроизводству своего ядра. Соответственно мы предполагаем, что и способность к воспроизводству национальной идентичности будет также зависеть от этого ядра реальной гомогенной группы — носителей национальных интересов и выразителей их интересов, которые каждый день дают оценки текущим событиям (например, на исторических факультетах или по телевидению). Именно эта группа, на наш взгляд, является в нации стержневой, поскольку её оценки связывают нацию и национальную идентичность в её актуальных проявлениях. Остальное население является полем битвы разных конфликтующих идентичностей [5].

Откуда же берутся эти конфликтующие идентичности? Отвечая на этот вопрос, мы рассматриваем примордиалистский подход к изложению истории, вернее его современный вариант — историцизм [6]. До настоящего времени этот подход служит генератором национализма. Именно в его рамках конструкторы идентичностей формируют исторические концепции нации, в которых исторические события связываются таким образом, чтобы получилась своего рода «биография нации», выгодная националистам для реализации своих программ. Одним из ключевых понятий здесь служит «народ», который существует вечно [7].

Анализ конструктивистской теории даёт категориальный аппарат для анализа такого рода конструкций, центральным элементом которых является псевдоисторический нарратив (или собрание таких нарративов в метанарратив). Внешне он выглядит как «краткий курс истории», историческая публицистика или художественная литература (в работе анализируется именно жанр «история»). Свойства, которыми она обладает позволяют воздействовать на ценностную структуру конкурирующей национальной идентичности и

конструировать новую национальную идентичность. Её отличительная особенность — привязанность завязки и развязки нарративного исторического сюжета к настоящему времени. Основной и самый эффективный способ проникновения в общественное сознание — это генерация националистического чувства как ответной реакции на описание исторической обиды, нанесённой нации её национальным врагом. Чёткий образ национального врага, с которым нация воевала всю свою историю — обязательный элемент такого нарратива. Другой способ воздействия — это подача истории в сенсационном жанре, как череды открытий, разоблачений, тайн, сокрытых фактов, утаённых со стороны врага или его «слуг» сведений.

Эти признаки позволили нам выделить такого рода творчество в отдельный вид исторических фальсификаций, который мы назвали **исторический националистический нарратив**.

Деструктивная функция национализма, которая в свёрнутом варианте содержится в националистическом историческом нарративе, рано или поздно приводит к конфликту идентичностей, вызванному внедрением новой нарративной концепции истории, а затем к конфликту политическому, который направлен против государства и его идентификаторов: политического курса, символики, руководства, конституции, национальных героев, национальных праздников. Вызванные ложными нарративами чувства обиды и ущемлённой справедливости требуют немедленного выхода и служат мощным средством мобилизации людей на свержение своих правительств. Апеллируя к солидарности, формирующейся на основе переживания национальной общности, национализм побуждает людей забывать о существующих между ними различиях и действовать совместно. Нация воображается при этом как коллективное тело, членство в котором для индивидов принципиально важнее, чем их членство в иных сообществах. Эта функция национализма позволяет манипулировать массами. Используя национализм и управляя его лидерами, глобалисты таким образом контролируют политические процессы и используют в достижении своих геополитических целей, свержая неугодные правительства и лишая суверенитета государства.

В отличие от искусственно сконструированных националистических концепций национальной идентичности, Республика Беларусь демонстрирует пример формирования собственной национальной идентичности при непосредственном национально-государственном строительстве. Новая концепция конструирования национальной белорусской идентичности начала складываться постепенно со второй половины 1990-х гг. Основой формирования национальной белорусской идентичности стали общие базовые ценности, разделяемые народом Беларуси. Из двух традиционно выделяемых подходов к пониманию нации: этническом и гражданском, белорусская нация формируется на основе гражданского подхода [8], что отражает особую позицию Республики Беларусь в отношении формирования белорусской национальной идентичности, связывающей народ Беларуси как единую многонациональную общность.

Одним из важных идентификационных признаков белорусской идентичности является язык. Несмотря на наличие двух официальных языков разговорный язык белорусов имеет отличительные особенности, которые могут быть определены как «белорусско-русский язык» [9]. Однако своеобразие белорусского выговора и в целом белорусско-русское двуязычие являются важными идентифицирующими факторами белорусской национальной идентичности, но совсем не определяющими. Таким определяющим фактором именно для белорусской национальной идентичности является то, кто стоит за тем или иным белорусом и вообще за белорусской нацией, т.е. чувством принадлежности и приверженности людей своей стране — Беларуси, причастности к её жизни; общности с её народом, его культурой и историей. В исследуемом нами ключе это прежде всего чувство принадлежности к своему государству, построение (конструирование) которого является национальным проектом, в который вовлечена вся белорусская нация. Белорусская национальная идентичность включает также в себя и элементы советской национальной идентичности, которая в настоящее время трансформируется в белорусско-российскую национальную идентичность на основе как наличия Союзного государства, так и общих социально-культурных интеграционных процессов в целом.

В заключение отметим, что представления о белорусской национальной идентичности сформировали концепт государственной идеологии, незыблемость которой является стратегическим национальным интересом. Разрозненность её смыслового значения, а также пропаганда нацизма, неофашизма, экстремизма, сепаратизма и любой социальной нетерпимости являются источниками угроз для национальной безопасности Беларуси.

Литература

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.; Воронеж, 1996.
2. Геллнер, Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М. : Новая наука политики, 2002. С. 147–162.
3. Харитонов И. Н. Белорусская нация и национальная идентичность в контексте аксиологического подхода // Социологический альманах. Выпуск № 6. 2015.
4. Ренан Э. Что такое нация? / Э. Ренан // Собр. соч. : в 12 т. / Э. Ренан. – Киев, 1902. – Т. 6. К., 1902. С. 100–101.
5. Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России / О. И. Шкаратан, (руководитель авторского коллектива), В. А. Бондаренко, Ю. М. Крельберг, Н. В. Сергеев М., 2003. С. 11.
6. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным специальностям и направлениям подготовки. М. : Ун-т Кн. Дом, 2010.
7. Шеллинг, Ф. В. Философия мифологии. В 2-х томах, СПб., 2013. С. 280.
8. Науменко Л. И. Белорусская идентичность. Концептуализация понятия. // Социологический альманах. Выпуск № 6. 2015. С. 174.
9. Беспмятных Н. Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность. С. 296-300; Żelazny, W. Etniczność: Ład konflikt — sprawiedliwość. С. 132.

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «АЛЬТЕРНАТИВА»
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ХАРАКТЕРУ
ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Молчанов П. Ю.

Старший преподаватель кафедры философии и политологии
с курсом повышения квалификации и переподготовки
УО «Белорусский государственный медицинский университет»

Актуальность. В современном социогуманитарном дискурсе понятие «альтернатива» широко применяется исследователями при анализе развития общества как системы. Однако данный термин недостаточно эксплицирован, вследствие чего его весьма неоднозначно трактуют авторы. Все это препятствует систематизации социальных альтернатив и научной оценке их теоретического и практического потенциала. Для решения данной проблемы целесообразно провести социально-философский анализ понятия «альтернатива» с учетом особенностей социосистемной динамики.

Цель исследования. Переосмыслить понятие «альтернатива» применительно к характеру общественно-исторического развития с позиций системно-синергетического подхода.

Основные положения исследования. В энциклопедической литературе понятие «альтернатива» определяется как «необходимость выбора между двумя или несколькими взаимоисключающими возможностями; каждая из этих возможностей» [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Акцент в подобных дефинициях, как правило, делается на категории «выбор» в качестве определяющего признака. Такая интерпретация сужает понятие «альтернатива», сводя его к процессу и привязывая к ситуации предпочтения одного варианта другому. Но в сущностном плане альтернативы – это предметно выраженные возможности изменения действительности, а не процессуальный акт их выбора. Выбор невозможен при отсутствии предметов выбора. Поэтому первичными при определении понятия «альтернатива» являются категории «возможность» и «действительность», указывающие на его предметное содержание.

Возможности могут быть абстрактными или реальными по отношению к действительности. Это означает, что социальные альтернативы, в зависимости от степени своего воплощения, представляют собой и материальные объекты, и их идеальные модели (проекты). Например, рыночная экономика капиталистических стран и плановая экономика социалистических государств были реализованными социально-экономическими альтернативами. По отношению к ним ресурсо-ориентированная экономика представляет собой потенциальную альтернативную модель экономической системы будущего.

Анализ социально-исторической динамики позволяет утверждать, что необходимость выбора есть разрешение конкретной альтернативной ситуации. Это справедливо для функционирования социальных систем в бифуркационных

фазах. Однако при их развитии в режиме аттракции параллельно существует несколько вариантов данного развития: одни из них объективируются в виде господствующих социальных институтов и отношений, другие могут быть реализованы как единичные альтернативные проекты или находиться на стадии разработки. В такой ситуации мы имеем дело именно с возможностью выбора, когда необходимость сиюминутного предпочтения одного из вариантов может отсутствовать вовсе.

Классическое представление об альтернативах как о двух взаимоисключающих возможностях не в полной мере отражает многофакторную и разнонаправленную общественно-историческую динамику. В ситуациях социосистемного выбора (в точках бифуркации), как правило, существует не две, а сразу несколько возможностей развития с разной вероятностью своей реализации. Кроме того, социальные альтернативы могут сосуществовать и параллельно развиваться, когда общественный процесс характеризуется режимом аттракции, то есть режимом постепенных эволюционных изменений. Например, элементы прямой и представительной демократии в реальном политическом процессе в большинстве случаев не взаимоисключают, а взаимодополняют друг друга.

С позиций системно-синергетического подхода человеческое общество рассматривается как сложная самоорганизующаяся система, состоящая из подсистем — социально-экономической, политико-правовой и духовно-культурной с соответствующими институтами и отношениями. Согласно им специфицируются и социальные альтернативы. Поэтому под понятием «альтернатива» применительно к характеру общественно-исторического развития целесообразно понимать поливариантные возможности реформистских либо радикальных преобразований системообразующих социальных институтов и отношений в основных подсистемах общества. Такой подход позволяет отделить объективные фундаментальные возможности преобразований миропорядка от субъективных локальных альтернатив на групповом и личностном уровнях. Также это позволяет разграничить близкие по значению понятия «альтернатива» и «сценарий». Под сценарием следует понимать ход развития событий и его возможный итог для развития человечества — пессимистический, оптимистический, реалистический (нейтральный, инерционный). Понятие «альтернатива» в логике вышеназванных рассуждений будет указывать на конкретные проекты преобразований общественных институтов и отношений.

Вывод. Таким образом, в современном социогуманитарном дискурсе под альтернативой все чаще понимают возможность, а не необходимость выбора, существенно отличные, а не взаимоисключающие возможности, не ситуацию выбора, а сами возможности. То есть отмечается смягчение жестких дихотомических трактовок в определении этого понятия, обусловленное учетом возрастания сложности и разнообразия явлений, процессов и взаимосвязей социальной действительности.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск : Мин. ф-ка цв. печати, 2002. – 1007 с.
2. Кикель, П. В. Краткий энциклопедический словарь философских терминов / П. В. Кикель, Э. М. Сороко. – 2-е изд. – Минск : Белорус. гос. пед. ун-т, 2008. – 266 с.
3. Кондрашов, В. А. Новейший философский словарь : ок. 1200 аналит. ст. / В. А. Кондрашов, Д. А. Чекалов, В. Н. Копорулина ; под общ. ред. А. П. Ярещенко. – 3-е изд. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 668 с. – (Серия «Словари»).
4. Философский энциклопедический словарь : ок. 2000 ст. / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Совет. энцикл., 1983. – 836 с.
5. Философский словарь / А. В. Адо, Н. Д. Александровская, И. И. Андреев [и др.] ; под ред. И. Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Политиздат, 1991. – 560 с.
6. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : Инфра-М, 2006. – 576 с. – (Библиотека словарей «Инфра-М»).

БИОМЕДИЦИНСКАЯ ЭТИКА: ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И КРИТЕРИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Мушинский Н. И.

кандидат философских наук, доцент кафедры философских учений
УО «Белорусский национальный технический университет»

Актуальность. В современных условиях научно-технический прогресс порождает всё новые проблемы *биомедицинской этики*. Актуальность исследования состоит в том, чтобы заполнить возникший пробел между развитием медицинских технологий и этико-философским осмыслением *критериев справедливости*.

Цель исследования. Необходимо критически обозначить основные проблемы современной *биомедицинской этики* и конкретизировать *критерии справедливости* соответственно инновационным вызовам и угрозам технократического развития.

Основные положения исследования. В наше время в контексте осмысления *критериев справедливости* всё большее значение приобретает *биомедицинская этика*. Уже в середине XX в. со всей остротой встала проблема нравственных последствий происходящего научно-технического переворота (особенно в области медицины), на это обратил внимание Ван Ренсселер Поттер. Примерно в это же время Альберт Швейцер сформулировал понятие «благоговения перед жизнью» (*Ehrfurcht von dem Leben*): «Основопологающим принципом этики является... благоговение перед жизнью» [1, с. 506]. Эту категорию он непосредственно связал с проблемой *справедливости*: «Мы прежде всего обязаны свято защищать интересы жизни... Мы требуем вновь восстановить справедливость» [1, с. 229]. Главное нарушение Швейцер видел в недоступности передовых достижений медицины для жителей удалённых окраин, поэтому поехал в Африку лечить от проказы и других болезней местное население. В целом технический прогресс Швейцер оценивал далеко неоднозначно: «Именно технические достижения позволили нам... осуществлять массовое истребление людей» [1, с. 94]. Он предлагал соблюдать известную осторожность, ориентируясь на *критерии справедливости*.

Одним из наиболее очевидных последствий развития современных биомедицинских технологий является резкий скачок численности народонаселения, вызванный снижением детской смертности и увеличением продолжительности жизни. Ещё полтора века назад на всех континентах было нормой иметь в семьях десять и более детей, причём большинство из них погибало в младенческом возрасте от всевозможных болезней («выбраковывалось» самой природой), выжили только самые сильные, и именно они впоследствии передавали свои гены новым поколениям. На протяжении тысячелетий происходило только самовосполнение популяции и её незначительный прирост. Сейчас совершенствование детской медицины привело к тому, что выживают почти все младенцы, поэтому

на протяжении последнего столетия произошёл скачок численности народонаселения от полутора до почти восьми миллиардов. При этом каждое новое поколение всё худшего «качества»: растёт количество негативных генных мутаций и отклонений, многие люди просто не в состоянии поддерживать жизнедеятельность без постоянного медицинского сопровождения.

С этим связаны многие глобальные последствия: возникающие всё новые пандемии (тиф, «испанка», ковид-19 и т. п.), рост немотивированной агрессивности (мировые войны, социальные революции, ракетно-ядерное и «цифровое» противостояние), антисоциальное поведение в молодёжной среде (синтетические наркотики, половые девиации и т. п.). В XIX в. медицинское обеспечение и, соответственно, демографический скачок коснулись, в первую очередь, развитых «западных» стран; соответственно, европейцы заполнили весь мир и создали систему колониального угнетения. Однако постепенно, по мере распространения биомедицинских технологий, демографическая волна достигла стран «третьего мира». На самом же «западе» включились естественные защитные процессы депопуляции: уровень технологий уже не позволяет иметь большие семьи, как в недавнем прошлом; ребёнка нужно не только родить, но и обеспечить ему престижное образование, материальную поддержку в первые годы продвижения по службе... Пожилые люди получают высокие пенсии, поэтому многие вообще не вступают в брак и не заводят детей. В результате «высокотехнологичный запад» всё сильнее ощущает давление со стороны избыточного народонаселения «третьего мира» (миграционные кризисы, практика международного терроризма и т. п.); стремясь сохранить ускользающее «лидерство», он разжигает на периферии вооружённые конфликты и «цветные революции». Таким образом, объективные процессы совершенствования биомедицинских технологий ставят перед человечеством всё новые вызовы и угрозы, в основе которых лежит нарушение *критериев справедливости*.

Наблюдая стремительный рост медицинских технологий, футурологи уже давно логически предсказали в далёком будущем конечную цель в достижении для человека физического бессмертия (в буквальном смысле), воскрешении прошлых поколений, заселении космического пространства: «Способность же жить во всей вселенной... даст нам и силу объединить... весь род человеческий, в совокупности всех воскрешенных и воссозданных поколений... в их этической... совокупности» [2, с. 495]. Религиозные философы видели в этом воплощение божественного замысла, построение Царства Божьего материальными человеческими средствами: «Супраморализм требует... преобразования, распространяющегося на все небесные миры... ; представить рай, созданный не самими людьми, ... по справедливости считается предметом самым неблагодарным» [2, с. 500]. Нравственно-этический смысл *справедливости* состоит, соответственно, «в объединении сынов для возвращения жизни отцам» [2, с. 497]. Очевидно, что подобные перспективы, даже самые удалённые, непосредственно переносят развитие медицины в область *биоэтики*.

Вывод. Анализируя основные направления *биомедицинских* проблем, порождённых научно-техническим прогрессом, можно сделать вывод, что в каждом конкретном случае необходимо искать новые решения, способствующие выживанию человеческой популяции и её устойчивому развитию соответственно инновационным *критериям справедливости*.

Литература

1. Швейцер А. Благоговение перед жизнью: Пер. с нем. – М. : Прогресс, 1992. – 576 с.
2. Федоров Н. Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез // Н. Ф. Федоров. Сочинения. – М. : Мысль, 1982. – 711 с.

ГРАМОТНОСТЬ В ВОПРОСАХ ЗДОРОВЬЯ: КАК ПАЦИЕНТЫ ИНТЕРПРЕТИРУЮТ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗОВ

Пацеева А. Г.

кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии
и психологии предпринимательской деятельности
УО «Белорусский Государственный экономический университет»

Высокий уровень способности человека находить, понимать и использовать информацию для принятия обоснованных решений, касающихся его здоровья или, другими словами, грамотности в вопросах здоровья является одной из составляющих профилактики заболеваний. В свою очередь низкий уровень грамотности сопряжён с целым рядом биомедицинских рисков, среди которых ограниченный доступ к медицинской помощи. «Человеческие и социальные последствия низкой грамотности в вопросах здоровья являются существенными и широкомасштабными. Грамотность в вопросах здравоохранения представляет собой личные компетенции и организационные структуры, ресурсы и обязательства, которые позволяют людям получать доступ, понимать, оценивать и использовать информацию и услуги таким образом, чтобы способствовать укреплению и поддержанию собственного здоровья» [1, с. 107].

Результаты предлагаемого пилотажного исследования не раскрывают весь диапазон компетенций, составляющих грамотность в вопросах здоровья населения, но освещают его определенную часть, а именно знания пациентов о значении и оценке показателей лабораторных анализов. Информация о результатах лабораторных исследований может выступить основанием для беспокойства о собственном здоровье в первую очередь, если эти результаты отличны от нормы. Но интерпретация таких результатов требует определенных компетенций, которые с одной стороны составляют медицинскую грамотность граждан, с другой стороны формируются в ходе неформального образования, следовательно могут быть неоправданными, несистемными и необоснованными. Также, то, как пациенты обращаются за разъяснением к различным источникам, позволяет отразить, насколько достоверную информацию получают пациенты.

Исследование было проведено в августе-октябре 2025 года, основным методом исследования выступил анкетный опрос. Часть респондентов были опрошены онлайн методом, при помощи сервиса Google-форма, другая часть респондентов заполняли анкеты на бумажном носителе в режиме офлайн. Общее количество опрошенных составило 313 респондентов. В исследовании приняли участие как горожане, так и жители сельской местности, выборка формировалась стихийно, по принципу доступности.

В исследовании респондентов попросили описать их действия после получения результатов анализов, отличных от нормы. Отвечая на вопрос об обращении за разъяснением в таких случаях около половины респондентов в качестве основного источника информации указали консультацию врачей специалистов – 49,2% опрошенных. Вторым по значимости источником информации выступили

интернет-источники, интернет-общение (специализированные сайты, чаты и т.п.) – 29,1%. Третьим по значению источником разъяснений выступили знакомые, имеющим медицинское образование – 12,5% опрошенных.

Необходимо отметить, что информация в интернете не является индивидуализированной, и человек, получающий такую информацию нуждается в компетенциях понимания этой информации. И это обуславливает одну из групп биомедицинских рисков. Использование когнитивных технологий, усредненность информации, публикуемой в интернете, не дают оснований полагать, что это достаточно надёжный источник. С другой стороны, этот подход является приемлемой альтернативой полному отсутствию решений.

Несколько специфична ситуация, отраженная в ответах группы молодежной части опрошенных. Около половины молодых респондентов в качестве основного источника информации указали консультацию врачей специалистов – 53,0%, что несколько выше, чем в среднем по выборке. Гипотеза о том, что молодые люди по сравнению с представителями других возрастных групп более склонны обращаться к интернет-ресурсам в этом случае не подтвердилась.

Требуется повышенного внимания результаты анализа распределения ответов на этот вопрос по типу местности проживания. Жители села гораздо реже отмечают обращение за разъяснением в результатах анализов к врачам специалистам – 34,7% опрошенных, доля выборов этой возможности жителями города – 51,9%. К интернет-источникам жители сельской местности обращаются несколько чаще (32,7%), чем жители города (28,4%).

Таким образом, полученные эмпирические результаты являются основой для критического осмысления того, как развитие современных технологий, информационных, и, в частности когнитивных технологий, влияет на «грамотность в вопросах здоровья» населения. С одной стороны, использование информационных технологий сопряжено с серьезными рисками, обусловленными отсутствием индивидуального подхода. С другой стороны, оно скрадывает неравенство, обусловленное типом поселения.

Литература

1. Абубакиров, А. С., Зудин, А. Б., Цыганок, Р. С. Подходы к определению и сущности понятия «грамотность в вопросах здоровья»: обзор зарубежной литературы // Здоровье мегаполиса. – 2023. – Т. 4. – № 1. – С. 105-113. doi: 10.47619/2713-2617.zm.2023.v.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

Познякова О. Л.

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии
и политологии с курсом повышения квалификации и переподготовки
УО «Белорусский государственный медицинский университет»

Актуальность. В XXI веке в связи с обширными демографическими изменениями и усложнением структуры заболеваний повысились требования к качеству и эффективности лечения, и научно-технический прогресс упаковал медицинские знания в стандартизированные протоколы, тем самым изменив саму парадигму медицины, *превратив ее из искусства врачевания в техническую науку*, ориентированную на организмические структуры. Технологизация часто игнорирует личность пациента, превращая его в «биологический механизм» или «предмет биологического дизайна», набор органов или объект манипуляций. Это явилось причиной глубокого *антропологического кризиса* в медицине, который характеризуется потерей целостного восприятия человека в процессе лечения, смещением фокуса с личности на биологические показатели, игнорированием душевных и духовных потребностей человека, снижением личностного потенциала и гуманистической составляющей медицины. Произошел разрыв между врачом и пациентом, исчез доверительный диалог, взаимодействие превратилось в формальное оказание *услуг*, пациент стал объектом исследований, а не субъектом заботы, и единство тела и души, соматического и психического было утрачено.

Основные положения исследования. Несмотря на то, что область современного медицинского знания охватывает широкий спектр вопросов как естественного, так и гуманитарного характера, анализ патологий человека сквозь призму преимущественно естественнонаучного знания привел к разрыву между научной и философско-гуманитарной составляющими медицины [1, с. 67]. Технический подход подчинил себе клиническую практику, гуманитарные науки отошли на второй план, а проблема искажения «естественного» образа человека осталась нерешенной. Фактически, ориентация медицины на гуманитарные ценности, заложенная еще в Античности Гиппократом, сохранялась только до эпохи Просвещения, до момента признания обществом хирургии не ремеслом, а формой исцеления. Но уже в XX веке психоанализ З. Фрейда, трансфузионная медицина, психофармакология и трансплантология поспособствовали деформации образа человека. Как результат, в современном мире ни врач, ни пациент не могут дать четкую формулировку таким понятиям, как человек, норма и здоровье. Более того, узкая специализация, связанная с профилированием современной высокотехнологичной медицины, делает невозможным целостное восприятие пациента, а коммерциализация медицины заставляет врачей воспринимать себя как обслуживающий персонал, оказывающий услугу, а пациентов — как источник получения финансовой выгоды.

Автор полагает, что причиной возникновения такой парадигмы является, прежде всего, замена классической медицинской этики на биоэтику с интеграцией правовых аспектов в медицину, где объектом собственности и средством наживы выступает человеческое тело и здоровье. Очевидно, что такие отношения никогда не могут быть исчерпывающе формализованы, поскольку, во-первых, невозможно для человеческого тела вывести окончательно единую закономерность, а во-вторых, все ситуации во взаимоотношениях врач-пациент не могут быть обозначены в рамках стандартных правил, отраженных в законодательстве. Кроме того, биоэтика — продукт индустриального общества, а в этом обществе врачу не запрещается относиться к пациенту как к предмету исследований и манипуляций, формально, без учета его уникальности.

Да, современная медицина базируется на естественнонаучных знаниях о процессах, протекающих в организме человека, но представляются не менее важными и процессы духовные. Важно не нарушить баланс между естественным и гуманитарным в медицинском опыте, чтобы обеспечить духовное и телесное благополучие пациента и полноту его возможностей. Поэтому важнейшим условием преодоления антропологического кризиса в медицине, по мнению автора, является пересмотр системы медицинского образования. Назрела необходимость в новой организации образовательного процесса (сначала личность, потом врач), и увеличение объема гуманитарного раздела в медицинских ВУЗах с целью формирования у будущих медиков образа человека и человеческих отношений в традициях гуманизма.

Вывод. Современная медицина и философская антропология оперируют общими категориями бытия человека, жизни, здоровья, болезни, страдания, смерти и пр. Однако технологизация медицинской практики на рубеже столетий привела к забвению образа человека, и на сегодняшний день, руководствуясь принципами биоэтического знания, современный врач уже не может воспринимать человека как совокупность тела и души, а значит, не может оказать в классическом смысле полноценную медицинскую помощь. Но антропологический кризис в медицине можно преодолеть, во-первых, путем возврата клятвы Гиппократова и его универсальных принципов, во-вторых, увеличением объема гуманитарных дисциплин в медицинских ВУЗах с целью воспитания у подрастающего поколения углубленного представления о человеке и человечности в системе пациент-врач. Это позволит вернуть медицину к ее гуманистическому призванию — лечить не болезнь, а человека, сохраняя его жизнь как высшую ценность.

Литература

1. Камалиева, И. Р. Антропологический кризис в современной медицине / И. Р. Камалиева // Философия и культура. — 2018. — №5. — С. 65–70.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БССР В 50-Х ГГ. XX ВЕКА

Поляк Н. А.

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии
с курсов повышения квалификации и переподготовки
УО «Белорусский государственный медицинский университет»

Актуальность. До недавнего времени изучение роли рабочего класса в социально-экономических процессах государства, являлось заглавной темой практически всех научных трудов. В начале XXI века представления о различных социальных группах общества в прошлом значительно расширились, но соответствующие издания так и не появились. Советское прошлое Беларуси 50-х гг. XX века, несмотря на значимые социальные сдвиги, изучено слабо и требует глубокого анализа. Это обусловило выбор данной темы и ее актуальность.

В послевоенный период БССР переживала сложный процесс восстановления, который стал причиной структурных изменений общества. Экономические факторы целиком и полностью определяли контекст развития всех сфер жизни государства. Роль рабочего класса в этих процессах стала ведущей. Рабочий класс невозможно рассматривать только как исполнителя индустриализации, поскольку он прошел сложный процесс промышленно-урбанистической социализации. Восстановление рабочего класса после войны приходилось начинать «с нуля» и это повлекло собой масштабную реструктуризацию всего общества. Включение нехарактерных социальных групп в рабочий класс требовало специальных методов и подходов в адаптации. Одним из самых действенных являлась пропаганда через периодическую печать.

Целью данной статьи является анализ газетных изданий БССР «Советская Белоруссия», «Звезда» 1950-х гг., заводские многотиражки («Автозаводец»), молодёжные издания («Знамя Юности») и другие публикации 1947–1957 гг., которые оказывали влияние на социализацию формирующегося рабочего класса.

Периодическая печать как государственная, так и ведомственная, имела внушительные тиражи и материалы о развитии городской инфраструктуры, о жилищном строительстве, о культурно-досуговой сфере, о профессиональном обучении, о трудоустройстве, о заработной плате формировали чёткие представления о жизни и возможностях рабочего, живущего в городе (особенно в столице).

В публикациях активно освещались планы развития городской инфраструктуры и жилищного строительства. На страницах газет рассказывалось о грандиозной застройке центральных улиц Минска (Советской, Кирова, К. Маркса, Комсомольской), где предусматривались жилые дома с кинотеатром на 500 мест на ул. Советской (ныне кинотеатр «Центральный») и социальными объектами (школы, ясли, магазины), светлыми дворами, парадными подъездами. Особо подчёркивалась возможность проживать в благоустроенных квартирах рабочих с семьями. Так, например, в январском номере «Советской Белоруссии» за 1950 г. опубликовано художественное фото новосёлов –

семьи рабочего МАЗа С. И. Жиркова. На снимке счастливая семья из четырёх человек обедает в собственной гостиной [1]. Как подарок к новому году рабочим МАЗа размещен снимок Дома культуры В культурно-досуговом объекте имелся зрительный зал на 650 мест, библиотека, комнаты отдыха и просторный лекционный зал.

Отдельного внимания заслуживает информация, формирующая устойчивое понимание престижа проживания в городе, через возможности культурно провести досуг. Газеты освещали культурные мероприятия и публиковали афиши кинотеатров (фильмы «Кубанские казаки», «Сталинградская битва» и др), анонсировали гастроли цирковых артистов и дрессировщиков (Золло), артистов Большого театра РСФСР (выступления Е. В. Шумской) и др. Особой популярностью пользовались новогодние елки для детей рабочих, которые организовывались с несколько смен бесплатно для членов профсоюза.

Широкие возможности просветительной сферы и образования подтверждались заметками об услугах Ленинской библиотеки в Минске, преискуранты издательств и книжных магазинов в Москве. Множество объявлений о возможности обучиться специальности, получить образование различных ступеней, пройти повышение квалификации, окончить краткосрочные курсы. Анонсировалась работа кружков, объединений, школ, обучения на производстве и многое другое. В объявлениях указывались простые условия подачи документов и поступления [2]. Зачастую гарантировалось общежитие, стипендия, могли выплачиваться суточные, квартирные, предоставлялись льготы. Наиболее активно информация об учебных заведениях печаталась в газете ЛКСМБ «Знамя Юности». Такая активная просветительская политика и широкая доступность информации об образовательных возможностях способствовали росту образовательного уровня, социальной мобильности, росту количества квалифицированных рабочих, формированию новых ценностей.

Периодическая печать выполняла свою основную функцию посредника между работодателем и потенциальным рабочим. В газетах публиковались объявления о вакансиях в строительных и промышленных предприятиях и др. Требовались специалисты различных профессий от руководителей (полагалась отдельная квартира для инженера велосипедного завода) [3] до разнорабочих. Иногда указывались особые условия трудоустройства (не менее 4 классов образования, открепление со старого места) и предоставляемые льготы. Эти публикации не только решали кадровые вопросы, но и демонстрировали возможности социальной мобильности и карьерного роста от рабочего до инженера, мастера, начальника цеха.

Объявления о продаже товаров в городских магазинах не столько информировали о доступности и ассортименте продукции, сколько выполняли сложную социализирующую функцию, воздействуя на сознание, поведение и жизненные стратегии населения. Заметки о продаже велосипедов, мотоциклов (Иж, БМВ, К125), обуви, мебели, украшений, продуктов питания (чёрная икра,

копчёная рыба) формировали новые потребительские стандарты. Реклама ателье, мебельных мастерских, прачечных, такси, меню кафе и закусочных создавала образ города как источника прогресса и благополучия. Все это становилось доступным при условии переезда из села в город.

В изданиях представлено достаточное количество материалов, которые демонстрировали престиж профессии рабочего промышленности. Несмотря на то, что в заголовках отсутствуют «кричащие» заявления об особой миссии рабочего класса, статья «Промышленность БССР на подъеме» освещает значимость труда рабочего для всей страны. В ней содержатся интервью с рабочими, описание заслуг и успехов, примеры карьерного роста, списки стахановцев и новаторов, которые оставили станок и приступили к чтению лекций, изданию литературы о выдающейся профессии рабочего. Цифры роста выпускаемой продукции, технические новшества на рабочих местах дополнялись рассказами о благоустроенной жизни в рабочем поселке, возможностях провести отпуск на море или отправить в санаторий детей. Автором статьи была газовщица Гомельского стеклозавода А. Лавочкина, что еще раз доказывало доступность успеха и роста благосостояния для всех рабочих специальностей [4]

Несколько выбиваются из «приукрашенной риторики» о прелестях жизни заводчан фельетоны и анекдотические заметки о недобросовестной работе бригадиров. Кроме того, что статья «На смех курам» в газете «Автозаводец» содержит критику безответственного отношения к делу некоторых руководителей, она демонстрировала жизненный уклад рабочих, их быт, семейные взаимоотношения [5].

Таким образом, периодическая печать 19500х гг. в БССР играла важную роль в пополнении рабочего класса и его социализации. Несмотря на пропагандистский характер, газеты фиксировали реальные процессы, происходящие в обществе. На примере конкретных материалов показывалось расширение социальной инфраструктуры в городах (жильё, клубы, библиотеки), демонстрировались возможности для роста образовательного и культурного уровня, фиксировалась повышенная доступность товаров и услуг для трудящихся городских промышленных предприятий. Комплексный анализ периодики позволяет увидеть, что опубликованные материалы формировали понимание широкого спектра возможностей и благ. Это способствовало миграции сельского населения в города и создавало образ рабочего класса как ведущей социальной силы.

Литература

1. Рабочий Минского автомобильного завода С. И. Жирков получил квартиру в новом доме // Советская Белоруссия. 1950. №26. 31 января.
2. Куда поступать // Советская Белоруссия. 1950. №137. 14 июня.
3. Велосипедному заводу требуется опытный инженер-строитель // Советская Белоруссия. 1950. № 16. 18 января.
4. Промышленность БССР на подъеме// Советская Белоруссия. 1950. №15. 17 января.
5. Фельетон «На смех курам» // Автозаводец. 1947. №10. 29 мая

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА БЕЛАРУСИ В 1861–1914 ГГ.: СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Попова А. С.

преподаватель кафедры философии и политологии
с курсом повышения квалификации и переподготовки
УО «Белорусский государственный медицинский университет»

Актуальность. В белорусской исторической науке отсутствует системное исследование, посвященное эволюции налогообложения сословия сельских обывателей, что актуализирует предмет изучения и придает ему научную новизну.

На региональном уровне историография проблематики налогообложения крестьянства не была предметом изучения. Отсутствует комплексное исследование эволюции налогообложения селян. Исследование может представлять интерес для современных историков и экономистов Беларуси.

Цель исследования. Краткий обзор и анализ историографии советского периода по проблематике налогообложения крестьянства Беларуси в 1861–1914 гг.

Основные положения исследования. Можно выделить следующие особенности историографии советского периода по обозначенной проблематике:

Ключевую роль среди трудов по экономике постреволюционного периода составляют труды политических деятелей, в которых заметно прослеживаются вопросы связанные с налоговой деятельностью партии большевиков (Бухарин Н. И., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Невский В. и др.)

Значительное место в изучении финансовых вопросов ведения крестьянского хозяйства занимают труды ученых «организационно-производственного направления» (Макаров Н. П., Минин А. Н., Рыбников А. А.), которые позволили выдвинуть данную тематику на передний план в мировой экономической истории [3].

С начала 20-х гг. XX в. к разработке решений по восстановлению народного хозяйства привлекались многие именитые экономисты (Баранов А. А., Гроссман В. Я., Клаус Р.), среди которых оказался Вайнштейн А. Л., который исследовал налоговое бремя крестьянства в до- и послеоктябрьский период [1].

В период с конца 20-х до конца 50-х гг. XX в. в отечественной историографии отсутствовали работы по налогообложению крестьянства, содержащие фактический материал. Налоговая политика в деревне в эти годы лишь частично отражена в нескольких обзорных работах (Залесский М. Я., Марьяхин Г. Л.).

С конца 50-х – начала 60-х гг. XX в. произошло мощное возрождение исторической науки. Истории финансов в эти годы посвящены труды Волобуева П. В., Китаниной Т. М., Проскуряковой Н. А., где в большей или меньшей степени затрагивались элементы налогообложения крестьянства [2, 4].

Со второй половины 60-х гг. наблюдается подъем интереса к крестьянской истории у западных исследователей. В работах таких ученых и аналитиков как М. Lewin и Т. Shanin наблюдались специальные исследования крестьянства Российской империи.

В начале 90-х гг. XX в. возрождается интерес к тематике крестьянского налогообложения, что связано с изменениями в социально-экономической жизни страны, так и в смене курса в историографической науке. Предметом изучения стал порядок и структура взимания налогов с крестьян с 1861 г. до начала XX в. (Петров Ю. А., Сапилов Е. В.) [3].

Вывод. В советской историографии произошел раскол на аграрную и финансовую, на до- и постреволюционную экономическую историю Российской империи, что привело к нарушению целостности восприятия эволюции крестьянского налогообложения.

Литература

1. Вайнштейн А. Л., Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время : (опыт статистического исследования) / Альберт Л. Вайнштейн ; с предисл. проф. Н. Д. Кондратьева. – М. : Кн. скл. «Экономист» Н. К. Ф., 1924. – 157, [4] с.
2. Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2004. – 797 с.
3. Марискин, О. И. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX в. (по материалам Среднего Поволжья) : автореф. дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / О. И. Марискин. – Саранск, 2004. – 48 с.
4. Мотрович, В. П. Аграрная история России (IX–XX вв.) : учебное пособие / В. П. Мотрович. – Екатеринбург : Урал. аграр. изд-во, 2012. – 448 с.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОСПРИЯТИЯ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В СТРУКТУРЕ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Реут Е. В.

младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси
Национальная академия наук Беларуси

Актуальность исследования. В эпоху тотальной цифровизации социальной реальности интернет-мемы перестают быть периферийным явлением и конституируются в качестве неотъемлемого элемента повседневных коммуникативных практик. Доминирование клипового мышления, фрагментарность восприятия информации и преобладание визуально насыщенных сообщений формируют новые когнитивные установки социума. В этом контексте эволюция мемов из нишевого феномена [1, с. 188–202] в вездесущую и основополагающую практику цифровых медиа [2, с. 412–428; 3, с. 156–158] представляется закономерной. Их роль выходит далеко за пределы развлекательной функции. Выступая инструментом структурирования фрагментированного опыта и конструирования групповой идентичности, мемы становятся ключевым катализатором распространения идей в публичном дискурсе. Способность этих единиц информации к консолидации аудитории вокруг определенных ценностей и смыслов [4, с. 12; 5, с. 2357–2376; 6; 7, с. 101–141] обуславливает необходимость их глубокого междисциплинарного анализа. Однако, если социокультурная и коммуникативная роль мемов изучена более или менее подробно, то их психофизиологические детерминанты остаются на периферии исследовательского внимания. На наш взгляд, понимание того, как визуально-вербальная структура мема взаимодействует с базовыми психическими процессами (вниманием, памятью, эмоциональным интеллектом) в условиях цифровой социализации, является критически важным для объяснения его воздействия на индивида. Несмотря на признание значимости мемов в исследованиях цифровой культуры [8; 9, с. 2218–2237], многие аспекты их функционирования остаются дискуссионными, что и определяет актуальность данного исследования.

Цель исследования. Заключается в выявлении и анализе психофизиологических детерминант, опосредующих восприятие интернет-мемов индивидом, а также в определении роли данных механизмов в структуре цифровой социализации. Особое внимание уделяется тому, как нейрокогнитивные процессы (обработка визуальной информации, эмоциональный резонанс, работа систем подкрепления) обуславливают эффективность мемов как инструмента трансляции смыслов и формирования социальных установок.

Основные положения исследования. В рамках изучения проблемы представляется необходимым выделить несколько ключевых аспектов. Во-первых, анализ психологических мотивов использования мемов, затрагивающих социальную повестку, демонстрирует их роль как инструмента непринужденного участия в общественной жизни. Такое участие базируется на синтезе потребности в самовыражении, подтверждении социальной идентичности и гедонистических

установках [10, с. 236–252]. Особого внимания заслуживают выводы В. Плеврити, согласно которым самовыражение является основным катализатором производства мемов, поскольку пользователи стремятся привлечь внимание к значимым проблемам и инициировать их обсуждение, а сами мемы функционируют как часть коллективного медиарепертуара, укрепляя чувство идентичности и солидарности [11].

Во-вторых, для понимания социальной значимости мемов необходимо обращение к их коллективной репрезентации как семиотических маркеров идентичности. Исследования показывают, что через различные типы мемов пользователи маркируют свою социальную принадлежность, осуществляя как внутригрупповую консолидацию, так и символическое размежевание с внешними сообществами, что может служить как поддержке, так и подрыву существующих норм [12; 13, с. 1–11]. На психофизиологическом уровне опознание этих маркеров и чувство принадлежности к группе сопровождается активацией нейронных сетей, связанных с социальным познанием и эмоциональным комфортом (островковая доля, префронтальная кора), что усиливает эффект внутригрупповой консолидации.

В-третьих, несмотря на признание мемов репрезентативным проявлением партисипаторной культуры, дискуссионным остается ряд фундаментальных вопросов. К ним относится проблематика трансформации ценностных установок и картины мира индивида под воздействием кратких визуальных сообщений (механизмы нейропластичности и имплицитного научения), выявление характерных черт мема как особого формата коммуникации (когнитивная легкость обработки, эффект айтрекинга), а также осмысление закономерностей его «жизненного цикла» (роль эмоционального заражения и скорости угасания ориентировочного рефлекса). Наконец, открытым для научного обсуждения остается вопрос о природе происхождения мемов: являются ли они спонтанным продуктом «народного» творчества или же целенаправленно конструируются специалистами в сфере коммуникаций с опорой на знания о когнитивных искажениях и психофизиологии внимания [14, с. 362–377; 15; 16].

Вывод. Таким образом, интернет-мемы представляют собой сложный, многомерный феномен, требующий интегративного подхода, объединяющего философско-идеологический, национально-исторический и биомедицинский (в части психологии восприятия) аспекты социогуманитарного знания. Проведенный анализ позволяет утверждать, что воздействие мемов на индивида детерминировано не только их семиотической структурой, но и глубинными психофизиологическими механизмами, а именно: особенностями зрительного восприятия, эмоционального реагирования и работой систем подкрепления. Понимание этих детерминант позволяет прогнозировать эффективность коммуникации в цифровой среде и корректировать деструктивные формы информационного воздействия в процессе цифровой социализации. Выступая не просто единицами информации, а инструментами формирования идентичности, трансляции ценностей и эмоционально комфортного включения в общественную повестку, мемы

становятся важным фактором конструирования цифровой реальности. Дальнейшее изучение их морфологии, прагматики и динамики распространения является необходимым условием для понимания глубинных трансформаций современного публичного дискурса и когнитивных процессов цифрового поколения.

Литература

1. Zannettou, S. On the origins of memes by means of fringe web communities / S. Zannettou, T. Caulfield, J. Blackburn, et al. // *Proceedings of the Internet Measurement Conference*. – 2018. – P. 188-202. – DOI:10.1145/3278532.3278550.
2. Miltner, K. M. Internet memes / K. M. Miltner // *The SAGE Handbook of Social Media* / ed.: J. Burgess, A. Marwick, T. Poell. – London : Sage Publications, 2017. – P. 412-428.
3. Milner, R. M. The world made meme: Public conversations and participatory media / R. M. Milner. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. – 2016. – 256 p. – *MedieKultur*, 2017. – Vol 63. – P. 156–158.
4. Heiskanen, B. Meme-ing electoral participation / B. Heiskanen // *European Journal of American Studies*. – 2017. – Vol. 12. – № 2. – P. 12. – DOI:10.4000/ejas.12158.
5. Milner, R. M. Pop polyvocality: Internet memes, public participation, and the occupy wall street movement / R. M. Milner // *International Journal of Communication*. – 2013. – Vol. 7. – P. 2357-2376.
6. Mina, A. X. Memes to movements: How the world's most viral media is changing social protest and power / A. X. Mina. – Boston : Beacon Press, 2019. – 235 p.
7. Habermas, J. *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie* / J. Habermas, N. Luhmann // *Was leistet die Systemforschung?* – 1971. – P. 101–141.
8. Nagle, A. *Kill all normies* / A. Nagle. – Winchester, UK ; Washington, USA : Zer0 Books, 2017. – 136 p.
9. Tuters, M. (They) rule: Memetic antagonism and nebulous othering on 4chan / M. Tuters, S. Hagen // *New Media & Society*. – 2020. – Vol. 22. – №12. – P. 2218-2237. – DOI:10.1177/1461444819888746.
10. Leiser, A. Psychological Perspectives on Participatory Culture: Core Motives for the Use of Political Internet Memes / A. Leiser // *Journal of Social and Political Psychology*. – 2022. – Vol. 1. – № 10. – P. 236-252.
11. Plevriti, V. *Satirical User-Generated Memes as an Effective Source of Political Criticism, Extending Debate and Enhancing Civic Engagement : Master's Thesis* / V. Plevriti, S. Johnston, O. Bennett // University of Warwick: Centre for Cultural Policy Studies, 2014. – 75 p.
12. Будовская, Ю. В. Меметический подход к изучению принципов распространения информации в социальных сетях и социальных медиа: дис. ... канд. филол. наук. : 10.01.10 / Будовская Юлия Валерьевна. – М., 2013. – 189 с.
13. Ross, A. S. Digital cultures of political participation: Internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 US Presidential candidates / A. S. Ross, D. Rivers // *Discourse, Context & Media*. – 2017. – Vol. 16. – P. 1-11.
14. Shifman, L. Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker / L. Shifman // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2013. – Vol.18. – № 3. – P. 362-377. – DOI:10.1111/jcc4.12013.
15. Blackmore, S. J. *The meme machine* / S. J. Blackmore. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – Vol. 25. – ISBN: 978-0192862129.
16. Distin, K. *The selfish meme: A critical reassessment* / K. Distin. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 238 p.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ, АКТИВИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОТИВОЗАТРАТНЫЙ МЕХАНИЗМ

Родионов А. К.

старший преподаватель кафедры философии и политологии
с курсом повышения квалификации и переподготовки
УО «Белорусский государственный медицинский университет»

Проблема экономической ответственности весьма актуальна для практики управления экономикой в условиях нарождающихся рыночных отношений. Дальнейшее поступательное развитие любой экономики, повышение её эффективности, формирование конкурентных рыночных отношений, лежит в плоскости совершенствования экономического механизма хозяйствования, формирования эффективного противозатратного механизма, повышения экономической ответственности субъектов хозяйствования за результаты своей деятельности, активизации человеческого фактора, создания благоприятных условий для дальнейшего всемерного развития предпринимательства, в том числе и в сфере здравоохранения.

Значение этих факторов для развития социально-экономического комплекса трудно переоценить и, поэтому требует дальнейшего изучения и научного исследования. Нашей задачей является исследование категории «экономическая ответственность», как фактора повышения эффективности механизма хозяйствования и активизации предпринимательской деятельности.

Известно, что именно предприниматель, как субъект хозяйствования, несет всю полноту ответственности и, в первую очередь экономическую, за результаты своей деятельности, рискуя собственными средствами и, как следствие, формирует конкурентную рыночную среду. [1. с.7].

Основой предпринимательской деятельности является сочетание самостоятельности и ответственности, оно создает условия для творческой и, в тоже время, взвешенной деятельности людей, всестороннего развития и самореализации личности. Так, Ф. Энгельс в своей работе «Критика Готской программы» (в письме к А. Бебелю) отмечал, что первое условие всякой свободы – ответственность всех за свои действия. [4. с. 6]

То есть, свободный выбор как элемент свободы, служит предпосылкой ответственности субъекта за этот выбор и за деятельность, совершенную на её основе. Таким образом, если цель соответствует объективной необходимости, а результат совпадает с целью, то такая деятельность носит свободный характер.

Важнейшим звеном перехода от необходимости к свободе, от возможности к действительности, выступает свободный выбор (цели и средств) и ответственность за его последствия [2. с.9].

Экономическая ответственность является мерой соответствия необходимости и свободы, а ее функция состоит в обеспечении соответствия хозяйственной деятельности субъекта требованиям объективных экономических законов.

Экономическую ответственность можно определить также как способ регуляции человеческого поведения, при котором на деятельность хозяйствующего субъекта воздействует самооценка и социально-экономическая оценка результатов его действий в виде негативных и позитивных санкций, корректирующих и направляющих его поведение в наиболее рациональное, оптимальное русло. Таким образом существует некая санкционная экономическая (положительная или отрицательная) обратная связь, оказывающая реальное воздействие на субъект экономической ответственности.

Существование ответственности в любой системе зависит не только от наличия в ней субъекта ответственности, но и от степени свободы субъекта. В жёстко детерминированных системах, движение которых полностью определяется независимыми от субъекта и (или) непознанными им законами, человек не имеет никакого выбора действий и, следовательно, не может ни за что отвечать. [2. с. 10]. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» писал: «Человек только в том случае несёт полную ответственность за свои поступки, если он совершает их, обладая полной свободой воли». [3. с. 82)]. Следовательно, нет свободы без ответственности и ответственности без свободы, то есть свобода порождает ответственность, а ответственность направляет свободу. Таким образом, человек как субъект ответственности всегда «несёт» ответственность, но отвечает лишь за то, на что оказал (или мог оказать, но своим бездействием не оказал) влияние.

Необходимо отметить, что ответственность совокупного работника общества за эффективное функционирование экономики страны в целом, или совокупного работника предприятия за результаты деятельности предприятия в целом – понятие для конкретного работника весьма абстрактное. Поэтому экономическая ответственность может функционировать в качестве действенного стимулятора повышения эффективности лишь через интересы конкретного работника. Но для этого материальное положение каждого работника должно, в хорошо понятной ему форме, зависеть от его трудового вклада.

В этой связи полагаю, что для хозяйствующих субъектов будет полезен успешный опыт внедрения мной в совхозное производство, первым в области и Российской Федерации, механизма противозатратного и экономической ответственности, в бытность работы главным экономистом совхоза «Профсоюзник» Даниловского района Волгоградской области, в конце 80-х гг. прошлого столетия и, затем широко распространенного в Волгоградской и соседних областях.

Всё совхозное производство было переведено на внутрехозяйственный расчет на основе арендных отношений, принципа купли-продажи и чековой формы расчетов. То есть все, поголовно, работники и подразделения хозяйства были включены во внутрехозяйственные рыночные отношения, действовал, так называемый «рыночный антагонизм» — затраты одного субъекта, являлись доходами другого. В хозяйстве действовали планово-учетные цены, по которым агенты внутрехозяйственных хозрасчетных отношений приобретали семена, малоценный инвентарь, корма, ГСМ, материалы, услуги и т.д. и расчетные цены по которым они продавали свою продукцию, услуги другим агентам, а также готовую

продукцию, зерно, молоко, мясо в живом весе и т.д. дирекции совхоза. Разница между реализованной продукцией (услугами) по расчетным ценам и понесенными затратами по планово-учетным ценам составляла хозрасчетный доход, который полностью шел на оплату подразделению или конкретному работнику. То есть, чем больше была, к примеру, урожайность или привесы скота в подразделении и меньше затраты, тем больше был хозрасчетный доход. При этом планово-учетные цены и расчетные цены были несколько выше на ту же продукцию и материальные ценности, реализуемые на складе совхоза или в розничной торговле, что полностью исключило «растащиловку», которая ранее имела место в нашем и других хозяйствах. Таким образом в хозяйстве противозатратный механизм заработал в полном объеме, все стали экономить во всем, считать каждую копейку. К примеру, ранее в хозяйстве хронически не хватало автотранспорта, с введением же хозрасчета треть совхозного автопарка оказалась не востребована и, оказывала автотранспортные услуги на стороне, главный ветврач Дудкин О.П. запряг двуколку и разъезжал по фермам на ней, а на закрепленной служебной автомашине ездил только в райцентр. Как следствие, все производственно-экономические показатели хозяйства резко пошли вверх.

К нам в хозяйство приезжали перенимать опыт практически все районы области, а также руководители и специалисты хозяйств из Ростовской, Воронежской, Саратовской, Тамбовской областей, Республики Калмыкия, Ставропольского края и других.

По итогам нашей деятельности. первый секретарь Волгоградского обкома КПСС В.И. Калашников поощрил нашего директора И.А. Капитонова, выделив ему новую, черную служебную машину «Волга», чего удаивались ранее, только руководители хозяйств, Герои Социалистического Труда.

Полагаю, что данный опыт внедрения механизма противозатратного, экономической ответственности может быть использован в практической хозяйственной, предпринимательской деятельности руководителями, специалистами реального сектора экономики, а также студентами и научными работниками, в сферу научных интересов которых входят изучение проблем экономической ответственности, повышения эффективности предпринимательской и иной производительной деятельности.

Литература

1. Основы экономической теории и практики / Под ред. М. М. Загорулько, О. В. Иншакова и др. Волгоград : Изд-во Волгоградского государственного университета, 1994. Гл. 3.
2. Родионов А. К. Предпринимательство с участием иностранных инвестиций как фактор формирования экономической ответственности рыночного типа (управленческий и маркетинговый аспекты): учебное пособие. – Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 1996. – 92 с.
3. Энгельс Ф. Критика Готской программы (Письмо к А. Бебелю) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.

ПРИЧИНЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО АССОЦИАНИЗМА В. Н. ИВАНОВСКИМ

Филипчик М. А.

старший преподаватель кафедры философии и специальных исторических наук
УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
аспирант кафедры философии культуры
УО «Белорусский государственный университет»

Актуальность. Обращение к идеям и работам В. Н. Ивановского продиктовано их значением для развития философского знания и разрабатываемых на его основе когнитивных наук. Особый интерес представляет концептуальное решение проблемы терминологических границ ассоцианизма, которое русско-белорусский философ представил в контексте разграничения двух типов теорий — психологической и гносеологической [1–3]. Этот вопрос о границах между психологией и теорией познания остается актуальным по настоящее время. Смешение эмпирического описания механизмов сознания с нормативным анализом условий познания приводит к методологическим трудностям в современных исследованиях когнитивных процессов и познания.

Цель исследования. Раскрыть причины разграничения психологического и гносеологического ассоцианизма В. Н. Ивановским.

Основные положения исследования. Первым шагом В. Н. Ивановского является терминологическое разграничение «учения об ассоциации идей» и «ассоцианизма» (в тот период применялся термин «ассоциационизм»). Учение об ассоциации — частная психологическая теория, объясняющая конкретные явления в жизни сознания, например, воспроизведение, переход мыслей [1]. Ассоцианизм же представляет собой теорию, сводящую на ассоциации все основные группы психических процессов, превращая факт ассоциации в окончательное объяснение душевной жизни. При этом ассоцианизм может существовать в двух различных формах: психологической и гносеологической [1, с. 123–124].

В. Н. Ивановский обосновал, что такое различие имеет важное методологическое значение. Для этого он показал, что в рамках «психологического ассоцианизма» ассоциация исследуется как механизм отражения нервных процессов, т. е. объяснение дается в плоскости специальной науки. «Гносеологический ассоцианизм», напротив, превращает законы ассоциации в первичные формы познавательной деятельности в условия всякого возможного опыта.

Конструируя аргументацию такого различия, В. Н. Ивановский прослеживает генезис двух типов ассоцианизма. Психологический тип философ связал, прежде всего, с подходом Д. Гартли [1, 2]. В основе его учения лежит гипотеза вибраций: «все телесные движения и все ощущения с их телесной стороны состоят из колебаний (vibrations) нервных элементов... простое колебание... отражается в сознании простым ощущением, сложное колебание... дает сложное ощу-

щение» [1, с. 152]. Перед нами, обратил внимание В.Н. Ивановский, вполне допустимая гипотеза в рамках психологии как специальной науки, но она не содержит никакой теории познания в собственном смысле [2].

Совершенно иначе устроен гносеологический ассоцианизм Д. Юма. Для него законы ассоциации — это «основные и всеобщие формы связи всего, о чем только можно говорить, — всего сознания, а также и бытия, известного нам лишь через наше сознание (в познании)» [1, с. 156]. Здесь ассоциация объясняет не столько физиологическое возникновение идей, сколько структуру самой реальности, данной нам в опыте. Как отметил В. Н. Ивановский, «для гносеолога-ассоцианиста законы ассоциаций суть условия всякого познания; это первичные, наиболее основные формы познавательной деятельности» [1, с. 156].

Вводя разграничение между психологией и гносеологией, В.Н. Ивановский опирается на понимание гносеологии как «имманентной» точки зрения на познание. Для психологии (как специальной науки) основной реальностью является коллективное целое сознательных существ и их нервно-физиологическая основа. Для гносеологии же основной реальностью является мышление познающего субъекта [1, с. 158–159].

Вывод. Разграничение двух концептуальных подходов к решению проблемы ассоцианизма позволило В. Н. Ивановскому объяснить специфику психологических и гносеологических теорий. Психологические теории рассматривают психику как совокупность ощущений и представлений, связываемых ассоциациями в сознании. Гносеологические теории разрабатываются на выводах из эмпирического ассоцианизма, поэтому интерпретируют ассоциации в качестве механизма познания, на основе которого строятся объяснительные модели формирования знаний и функционирования сознания.

Литература

1. Ивановский, В. Н. Ассоцианизм психологический и гносеологический. Историко-критическое исследование. Ч. 1 / В. Н. Ивановский. — Казань : Типо-литография императорского университета, 1909. — 228 с.
2. Ивановский, В. Н. К вопросу о генезисе ассоцианизма : (Речь перед диспутом) / В. Н. Ивановский. — Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1910. — 28 с.
3. Ивановский, Вл.Н. К истории учения об апперцепции в психологии / Вл. Н. Ивановский // Вопросы философии и психологии. — 1897. — Книга 1 (36). — С. 70–106.

БИО-ЛОГОС И ЭТНОС: КРИЗИС АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ В ЭПОХУ БИМЕДИЦИНСКОГО ТРАНСГУМАНИЗМА

Шершнёва О. А.

старший преподаватель кафедры философии и методологии науки
УО «Белорусский государственный университет»

Актуальность. Бурный прогресс в области биомедицины (генная инженерия, нейропротезирование, биохакинг и т. д.) способствует распространению идеологии трансгуманизма, которая подвергает сомнению фундаментальные основания классической антропологии: неповторимость человеческого тела, укоренённость личности в истории и культуре, значимость этнической идентичности. Различия между нормой и патологией, лечением и улучшением, естественным и искусственным становятся всё более условными, что требует философского осмысления, выходящего за рамки традиционных вопросов о сущности человека. Сегодня необходимо заново определить антропологические границы — не как внешние запреты, а как внутренние, конститутивные условия возможности человеческого существования.

Цель исследования. Проанализировать кризис антропологических границ и показать, что концепции «био-логоса» и «этноса» выступают необходимыми понятийными инструментами для сохранения человеческой идентичности в процессе технологического преобразования природы человека.

Основные положения исследования. Вопрос «кто есть человек» всегда был центральным для философской антропологии. На протяжении веков он предполагал поиск неизменной сущности, устойчивой природы, обеспечивающей тождественность человеческого «я». Аристотель назвал человека «политическим животным», связав его природу с логосом и полисом. Впоследствии логос понимался как структурирующее начало, позволяющее человеку преодолеть животное состояние и войти в мир культуры.

Классическая антропологическая модель базировалась на системе разграничений: человек-животное, человек-машина, природа-культура, разные этносы как носители уникальных культурных кодов. Сегодня эти границы стремительно исчезают. Современные биомедицинские технологии, вдохновлённые трансгуманизмом, создают новую антропологическую реальность, в которой прежние способы формирования человеческого «Я» теряют силу.

Как пишут исследователи, «философская концепция трансгуманизма ставит своей целью освобождение человека от присущих ему биологических ограничений» [1, с. 678]. Научно-технический прогресс вплотную приблизился к реализации этой идеи. Именно здесь возникает глубокий кризис: если биологические рамки перестают быть границами, что тогда определяет самосознание и идентичность человека? И какое место в таком преобразованном мире занимает этнос — общность, основанную не на искусственных договорах, а на единстве происхождения, языка, культуры и территории?

Ключевым для критики трансгуманизма выступает понятие «био-логос». В отличие от отвлечённого знания или формальной информации, логос здесь понимается как «бесконечная система живого смысла, характерная для определенной предметной области». Логос существует «лишь как образование живого существа, его разума, он никогда не может быть до конца проявлен и структурно выражен» [3, с.19]. Иными словами, био-логос — это не просто язык живой природы, а принципиальная укоренённость любого смысла в живом теле, в конкретной биологической и культурной традиции. Тем самым «био-логос» представляет собой онтологическую границу, объединяющую биологическое и культурное в единое смысловое поле. Этнос же — не случайный продукт истории, а конкретное воплощение «био-логоса», живая система смыслов, передаваемая через поколения не только в текстах и артефактах, но и через телесные практики, ритуалы, язык и само восприятие мира.

В философском ключе этнос — это способ бытия-в-мире, предполагающий онтологическую укоренённость. Этнокультурную идентичность сегодня следует рассматривать в русле экзистенциально-герменевтического подхода — как вопрошание о бытии. Человек не просто «принадлежит» этносу, он бытийствует через этнос, через ту систему живых смыслов (био-логос), которая организует его восприятие пространства, времени, жизни и смерти.

Трансгуманизм, напротив, видит в человеческом теле объект для технических манипуляций, а в личности — информационную структуру, которую можно копировать, изменять или переносить на другой носитель. Как справедливо отмечают критики, трансгуманизм, «нацеленный на усовершенствование человеческой природы с помощью научно-технических средств вне контекста духовно-нравственных принципов, низводит человека до объекта для бесконтрольных технических манипуляций» [2, с.128]. Как мировоззренческая доктрина трансгуманизм стремится к коренной перестройке человеческой природы методами биомедицины. Поскольку этнос всегда предполагает историю, территорию и телесность, трансгуманизм объявляет все эти параметры «ограничениями», подлежащими устранению. Более того, трансгуманизм последовательно разрушает три главные антропологические границы: между человеком и животным, между человеком и машиной, между прошлым и будущим.

Традиционная философская антропология утверждала, что отличие человека от животного состоит в наличии логоса, рефлексии, культурной деятельности. Трансгуманизм же рассматривает человека просто как биологический объект, лишённый «души», что ведёт к исчезновению качественного различия между человеком и другими живыми существами. Трансгуманисты открыто говорят о необходимости слияния человеческого разума с искусственным интеллектом, о максимальной конвергенции человеческого и машинного мышления. Здесь человек перестаёт быть мерой всех вещей, превращаясь лишь в одно из звеньев эволюционной цепи, причём далеко не самое совершенное. Также разрушается граница между человеком и его собственной историей, между прошлым и будущим, между предками и потомками. Если человек больше не умирает, если

он может по своему желанию переписывать свою генетическую историю, то связь с прошлым теряет онтологическую значимость.

Вывод. Кризис антропологических границ, спровоцированный биомедицинским трансгуманизмом, ставит перед человечеством не технологический, а философский выбор. Суть выбора такова: хотим ли мы стать «постлюдьми», свободными от всех ограничений — включая этническую идентичность, культурную традицию и саму телесную смерть? Или же мы способны переопределить границы, не разрушая их, а углубляя и переосмысливая? Концепт «био-логоса» предлагает третий путь. Он напоминает: любой смысл жив, только если укоренён в живом теле и живой традиции. Этнос — не произвольный конструкт, отменяемый по желанию, и не «генетический дефект», требующий «исправления». Этнос — это конкретная форма бытования «био-логоса», способ обретения человеком смысла в мире.

Антропология неразрывно связывает понятие человека с понятием границы, утверждая её как необходимый элемент для конституирования человеческой самости. Поэтому защита антропологических границ сегодня — это условие выживания человеческого в человеке. Вопрос не в остановке технологического прогресса, а в том, чтобы вписать его в горизонт живого смысла — в горизонт «био-логоса», который всегда говорит на языке этносов, культур и традиций, а не на безжизненном языке технического совершенствования.

Литература

1. Аксёнов, И. В. Трансгуманизм как антропологическая проблема / И. В. Аксёнов // Гуманитарные науки. – 2016. – № 9 (3). – С. 678–686.
2. Мартин Э. Критический анализ гипотетических представлений о постчеловечестве в трансгуманизме и постгуманизме // Вестн. Сев. (Арктич.) федер/ ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки», 2024 г., том 24, № 5. – С. 128–137.
3. Моисеев В. И., Моисеева О. Н. В смысловом пространстве биологоса: основные концепты // В пространстве биологоса / отв. ред. Я. И. Свирский – СПб. : Мирь, 2011. – 281 с.

Научное издание

**ФИЛОСОФСКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ,
НАЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ, БИМЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ
СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

Электронные материалы Международной научной конференции

(Минск, 28 мая 2026 года)

Вёрстка: А. В. Янушкевич

Издание разработано с помощью программного обеспечения
Microsoft Office Word, Adobe Acrobat Pro.

Подписано к использованию 22.06.2026.

Объем издания: 2,53 Мб.

Издатель: учреждение образования
«Белорусский государственный медицинский университет».
Ул. Ленинградская, 6, 220006, Минск

ISBN 978-985-21-2304-4

9 789852 123044